

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛДАВСКОЙ ССР

**КИШИНЕВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА**

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

795994

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШТИИНЦА“

КИШИНЕВ * 1975

Сборник содержит статьи по различным аспектам изучения английского языка, а также одну статью по исландскому языку. Среди статей по английскому языку — исследования по исторической грамматике, морфологии и синтаксису современного английского языка, сопоставительной грамматике английского и молдавского языков, проблематике вариантности английского языка, художественной стилистике. Фонологической проблематике посвящена статья по исландскому языку.

Книга предназначена для преподавателей иностранных языков высшей и средней школы, языковедов различных специальностей, аспирантов и студентов факультетов иностранных языков.

Под редакцией
доктора филологических наук
профессора В. Я. Плоткина

© Издательство "Штиинца", 1975 г.

И 70104 — 29 182-75
М755(12) — 75

В.А.Плоткин

ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. В древнеанглийском языке, как известно, насчитывалось 40 форм личных местоимений, из которых 24 принадлежали 1-му и 2-му лицу (по четыре падежные формы в трех числах – единственном, двойственном и множественном). 16 форм – 3-му лицу (по четыре падежные формы в трех родах ед. числа и во мн. числе). В среднеанглийский период состав форм личных местоимений сократился – их всего 16; в это число не входят различные варианты форм. В учебнике по истории английского языка (Ильиш, 1968, с.219) перечисляются шесть изменений по сравнению с древнеанглийским периодом: исчезновение дв. числа, исчезновение род. падежа, слияние дат. и вин. падежей, заимствование местоимения мн. числа 3-го лица, появление новой формы в им. падеже жен. рода 3-го лица, отпадение начального согласного в форме ср. рода 3-го лица.

Изменения форм личных местоимений в новоанглийский период по сравнению со среднеанглийским Б.А.Ильиш считает незначительными; к ним он относит два изменения во 2-м лице – вытеснение форм ед. числа и стирание падежных различий (Ильиш, 1968, с.342).

Если ограничиваться, однако, инвентаризацией первоначальных форм и последующих изменений в их составе, мимо исследователя может пройти самое существенное в истории английских личных местоимений – радикальная перестройка структурной организации их системы. Такие перестройки в языке нередко сопровождаются сравнительно небольшими изменениями во внешнем виде отдельных компонентов системы, иногда вообще без них. Например, в

новоанглийский период не было никаких изменений во внешнем виде местоименных форм I, me, we, he, him, she, they, them, а формы us, her подверглись грамматически несущественным фонетическим изменениям. Но именно в этот период осуществляется важнейшая перестройка грамматических взаимоотношений между перечисленными формами.

Эта перестройка не прошла мимо внимания исследователей грамматики английского языка, которые описали происходящие в современном английском языке изменения в функционировании названных форм личных местоимений (Ильиш, 1971, с.67-68). Но не было сделано попыток связать их с другими известными изменениями английских местоимений.

В настоящей статье отдельные изменения в личных местоимениях на протяжении истории английского языка рассматриваются как звенья в процессе радикальной перестройки образуемой ими системы. Мы попытаемся также вписать этот процесс в широкий контекст общей перестройки, которой подвергся весь грамматический строй английского языка за минувшее тысячелетие.

2. Системный подход к любому языковому явлению предполагает нахождение объективно существующих границ изучаемой системы, которые далеко не всегда совпадают с границами, закрепленными научной традицией. Всякая система может плодотворно изучаться только как единое целое; попытка применить системный подход к отдельной ее части приводит исследователя к фрагментарному, атомистическому подходу и тем самым сводит на нет преимущества системного.

Систему личных местоимений не следует ограничивать теми местоимениями, которые принято так называть в грамматике. Наиболее важная семантико-грамматическая черта личных местоимений — указание на лицо или предмет с точки зрения его участия в акте коммуникации. Эта черта присуща в узком смысле термина еще двум разрядам местоимений — притяжательным и возвратным. Притяжательные местоимения связаны с личными генетически; между составами обоих разрядов сохраняется устойчивый параллелизм, и свойственные личным местоимениям различия в лице, числе, роде отражаются в соответствующих формах притяжательных местоимений. Очевидны также теснейшие связи между личными и возвратными местоимениями.

Таким образом, в системе личных местоимений объединяются все местоимения, которым присуща грамматическая категория лица. Иными словами, термин "личное местоимение" (в дальнейшем изложении сокращенно ЛМ) мы будем употреблять в его широком смысле, при кото-

ром "к личным местоимениям могут быть отнесены любые местоимения, способные изменяться по лицам или составлять ряды местоимений, различающихся друг от друга (подобно собственным-личным местоимениям) по указанию на грамматическое лицо" (Майтинская, 1969, с.140).

3. В грамматической характеристике компонентов системы ЛМ следует различать два плана. Первый из них непосредственно ориентирован на описание лиц или предметов, входящих (или не входящих) в состав участников акта коммуникации. К этому плану относятся:

а) членение денотатов ЛМ по трем лицам, содержащее функциональную характеристику лиц и предметов с точки зрения акта коммуникации - активное участие в нем (1-е лицо), пассивное участие (2-е лицо), неучастие (3-е лицо);

б) количественная характеристика денотатов ЛМ с помощью числовых различий - лицо единичное (ед.число), объединенное с другим лицом (дв. число), с другими лицами (мн.число);

в) качественная характеристика денотатов ЛМ, с помощью которой различаются лица и предметы, а среди первых проводится деление по признаку пола.

Ко второму плану относятся грамматические категории, связанные с функционированием ЛМ в качестве синтаксических эквивалентов имен (существительных, прилагательных) в составе предложения и словосочетания. Это общеименные категории рода, числа, падежа.

Первый план специфичен для ЛМ, тогда как второй объединяет с другими именными классами слов. Всегда относится к первому плану категория лица, конституирующая систему ЛМ; столь же явно принадлежит ко второму плану категория падежа. Что касается числа и рода, то они могут входить и в тот, и в другой план; в истории английских ЛМ имел место переход этих категорий из одного плана в другой.

4. Исходная для нашего исследования раннедревнеанглийская система ЛМ имела следующий состав:

	1-е лицо			2-е лицо			3-е лицо			
	ед.	дв.	мн.	ед.	дв.	мн.	ед.	мн.		
								муж. ср. жен.		
Им.	ic	wit	we	þu	3it	3e	he	hit	heo	hie
Род.	min	uncer	ure	þin	incer	eower	his	his	hire	hierā
Дат.	me	anc	us	þe	inc	eow	him	him	hire	him
Вин.	me	ancit	us	þe	incit	eowic	hine	hit	hie	hie
Притяж.	min	uncer	ure	þin	incer	eower			sin	

(в скобках - адъективное, сильное)

Очевидно деление системы на две подсистемы: одну из них образуют ЛМ 1-го и 2-го лица, другую — ЛМ 3-го лица. Можно объяснить глубокие различия между подсистемами их неодинаковым происхождением. Как известно, ЛМ 1-го и 2-го лица принадлежат к одному из древнейших слоев общеиндоевропейского лексико-грамматического фонда, тогда как ЛМ 3-го лица возникли значительно позже из указательных местоимений. Но длительное сохранение различий поддерживалось и иными факторами, семантическими и грамматическими (Майтинская, с.141-143). 1-е и 2-е лицо обозначают двух непосредственных участников акта коммуникации, или коммуникантов, и образуют подсистему коммуникаторных ЛМ; 3-е лицо обозначает предметы, не участвующие в акте коммуникации, и образует подсистему некоммуникаторных ЛМ.

Наиболее существенное грамматическое различие между двумя подсистемами ЛМ заключается в неодинаковых соотношениях двух описанных выше грамматических планов. Они четко разграничивались у собственно-личных коммуникаторных местоимений, где к первому плану относились категории лица и числа. Принадлежность последней к первому, специфически местоименному плану подчеркивалась самим перечнем из трех чисел, одно из которых — двойственное — за пределами системы ЛМ в древнеанглийском языке не встречалось. Категория рода, свойственная всем именным классам слов, у собственно-личных местоимений отсутствовала. Ко второму плану у них относилась лишь категория падежа, но даже она была организована совсем не так, как у существительных. Двумя ее особенностями были низкая употребительность род. падежа и начавшееся поглощение вин. падежа дательным.

В литературе имеются разногласия в вопросе о природе категорий первого плана у ЛМ. Спор идет о том, представляют ли лица и числа формы одного слова или особые слова. В последнем случае некоторые грамматисты отказываются признавать лицо и число ЛМ категориями грамматическими. Они предлагают рассматривать их как чисто лексические явления, вообще не подлежащие обсуждению в грамматике (Ильиш, 1964, с.188-189). К определению грамматических категорий у такого своеобразного класса слов, как ЛМ, нельзя подходить с критериями, сформированными на материале открытых классов слов — имен существительных, прилагательных, глаголов. Можно сослаться с тем, что лицо и число у коммуникаторных ЛМ — не словесно-формальные категории, что перед нами не шесть форм одного имени, а шесть отдельных слов. И тем не менее взаимоотношения между ними целиком относятся к грамматике, а не к лексикологии. Мес-

тоимения — не обычные знаменательные слова, а слова строевые; все значения ЛМ грамматичны (Булыгина, 1968, с. 202–203). Они могут быть сведены к трем бинарным оппозициям:

- а) активность / пассивность коммуниканта;
- б) коммуникант единичный / объединенный;
- в) коммуникант, объединенный с одним / более чем с одним лицом.

Шесть древнеанглийских коммуникаторных ЛМ получают с помощью этих оппозиций следующее описание:

- ic — коммуникант активный, единичный;
- þu — коммуникант пассивный, единичный;
- wit — коммуникант активный, объединенный с одним лицом;
- 3it — коммуникант пассивный, объединенный с одним лицом;
- we — коммуникант активный, объединенный более чем с одним лицом;
- 3e — коммуникант пассивный, объединенный более чем с одним лицом.

Притяжательные ЛМ коммуникаторной подсистемы обозначали принадлежность коммуникантам как свойство денотатов связанных с ними существительных. Их также было шесть, и они полностью отражали весь первый план грамматической характеристики коммуникаторных ЛМ. По второму плану притяжательные ЛМ располагали, как прилагательные, грамматическими категориями рода, числа и падежа, с помощью которых дублировали формы существительных, обозначавших принаследующие коммуникантам предметы.

5. У ЛМ некоммunikаторной подсистемы (3-е лицо) в древнеанглийском языке первый, специфический для ЛМ грамматический план практически не затрагивал взаимоотношений между компонентами подсистемы. Правда, здесь функционировали грамматические категории рода и числа, способные относиться к обоим планам. Если эти категории использовались для качественной и количественной характеристики обозначаемых предметов (некоммуникантов), их следовало причислять к первому плану; если же они отражали лишь морфологическую характеристику заменяемых существительных, они относились ко второму плану. Для древнеанглийского лично-предметного некоммunikаторного местоимения характерны существенные грамматические отличия от коммуникаторных ЛМ и в то же время грамматическая близость к существительным и указательным местоимениям. Мы имеем здесь в виду, с одной стороны, отсутствие у некоммunikаторного ЛМ форм ЛМ. числа, что отделяло его от коммуникаторных ЛМ и от

длина с другими именными классами слов; с другой стороны, у некоммуникаторного ЛМ была категория рода, организованная точно так же, как у других имен, включая морфологическую близость ср. рода к мужскому. Далее, категория падежа у некоммуникаторного ЛМ была такой же, как у существительных, и не знала особенностей, специфических для коммуникаторных ЛМ. Наконец, у некоммуникаторного ЛМ в древнеанглийском языке полностью отсутствовала супплетивность, столь характерная для коммуникаторных ЛМ.

Грамматическая близость некоммуникаторного ЛМ к существительным позволяла ему сохранять морфологическую характеристику заменяемого существительного. Это было вполне естественно в древнеанглийском языке, широко использовавшем морфологическое дублирование для указания не только на прямые синтаксические связи (согласование), но и на контекстуальную эквивалентность местоимения и существительного.

Можно заключить, что категории рода и числа у некоммуникаторного ЛМ относились ко второму, общеименному плану. К первому плану относилась лишь категория лица, по которой оно противопоставлялось коммуникаторным ЛМ.

Выше было показано, что только различия по первому плану являются в системе ЛМ различиями между особыми словами; категории второго плана у ЛМ — это категории словоизменительные. Отсюда следует, что в древнеанглийском языке было всего одно лично-предметное местоимение 3-го лица, представленное 16 формами рода, числа и падежа (Бруннер, 1956, с.104; см., однако, Ильин, 1964, с.189-190).

Этому местоимению соответствовало одно притяжательное ЛМ *his*, по происхождению возвратно-притяжательное, морфологически однотипное с коммуникаторными притяжательными ЛМ. Во многих индоевропейских языках (например, в русском) возвратные местоимения составляют особую подсистему ЛМ наряду с подсистемами коммуникаторной и некоммуникаторной, и в нее входят лично-предметное местоимение (себя, себе, собой) и притяжательное (свой). Общей семантической характеристикой возвратной подсистемы является указание на тождество с лицом грамматического субъекта. В древнеанглийском языке, однако, особая возвратная подсистема ЛМ оказалась сработанной: ее лично-предметный компонент был устранен (ср. *his*, *his* в готском, *seich* в немецком), а притяжательный вошел в некоммуникаторную подсистему.

6. В среднеанглийский период началась радикальная перестройка всей системы ЛМ. Она затронула оба плана грамматической природы ЛМ.

В коммуникаторной подсистеме к первому плану принадлежали категории лица и числа. Категория лица, конституирующая всю систему ЛМ, оказалась единственной категорией, которая не подверглась никаким преобразованиям в истории английского языка. Категория числа у коммуникаторных ЛМ заметно уменьшила свои различительные возможности.

В XIII веке было устранено различие по числу лиц, с которыми объединяется коммуникант — исчезло дв. число. Тогда же началось употребление мн. числа для обозначения единичного пассивного коммуниканта при вежливом обращении, что существенно ослабило числовые различия у ЛМ 2-го лица. Позже, в XIV веке, они были практически устранены, когда местоимение ед. числа *thou* вышло из употребления почти во всех стилях речи. Если ликвидация дв. числа в равной мере коснулась обоих лиц коммуникаторной подсистемы, то полное устранение числовых различий во 2-м лице при их сохранении в 1-м лице ликвидировало прежнюю симметрию в структуре обоих лиц.

В подсистеме некоммуникаторных ЛМ важнейшим событием было разложение единого местоимения 3-го лица на четыре особых местоимения. Парадигма древнеанглийского местоимения была построена таким образом, что оно могло дублировать род и число существительного, обозначающего тот же предмет. В этих условиях категория рода у местоимения 3-го лица была внешней, чисто согласовательной. С исчезновением категории рода у среднеанглийских существительных родовые формы местоимения потеряли опору в грамматическом роде существительного и были переориентированы на естественные различия по одушевленности (точнее, разумности) и полу некоммуникантов. Таким образом, прежние родовые различия изменили свой статус, перейдя из второго плана грамматической характеристики ЛМ в первый; прежние формы рода превратились тем самым в особые местоимения. Это повлекло за собой аналогичное изменение в статусе прежней формы мн. числа 3-го лица.

Превращение родовых и числовых форм единого ЛМ 3-го лица в четыре особых ЛМ нашло внешнее отражение в их грамматической и фонетической дивергенции. Она меньше всего затронула местоимение *he*, продолжавшее форму муж. рода и ставшее обозначением лиц мужского пола. Форма жен. рода *heo*, фонетически совпавшая с *he*, в XII-XIV веках была заменена новым местоимением *she*, ставшим обозначением лиц женского пола. Форма ср. рода *hit* с XII века начала терять согласный *h*, который в древнеанглийском языке выступал

как общий корень местоимения 3-го лица. Возникшее местоимение *it*, которое стало обозначением некоммуникантов без признаков пола, в отличие от древнеанглийской формы *hit* не сохранило ничего общего с местоимением *he*; дивергенция распространилась на всю парадигму местоимения *it*. Формы мн. числа 3-го лица в древнеанглийском вообще слабо отличались от форм ед. числа. Полная дифференциация от всех форм ед. числа была достигнута тем, что новое местоимение мн. числа вообще не продолжало старую форму мн. числа; в этом качестве закрепилось новое местоимение *they* скандинавского происхождения.

Таким образом, система ЛМ английского языка получила следующий состав:

- I* -- коммуникант активный, единичный;
- we* -- коммуникант активный, объединенный;
- you* -- коммуникант пассивный;
- he* -- некоммуникант единичный мужского пола;
- she* -- некоммуникант единичный женского пола;
- it* -- некоммуникант единичный без признаков пола;
- they* -- некоммуниканты объединенные.

Грамматические взаимоотношения первого плана между ЛМ свиваются теперь с помощью следующих бинарных оппозиций:

- а) коммуникант / некоммуникант;
- б) коммуникант активный / пассивный;
- в) единичность / объединенность;
- г) некоммуникант мужского пола / без признаков пола;
- д) некоммуникант женского пола / без признаков пола.

Рост некоммуникаторной подсистемы (четыре местоимения вместо одного) при сокращении состава коммуникаторной подсистемы (три местоимения вместо шести) объясняется, очевидно, тем, что в первой из перечисленных оппозиций некоммуникаторные ЛМ являются немаркированными членами (Бенвенист, 1974, с. 289; Майтиская, 143). Вполне естественно, что немаркированность по этой оппозиции ЛМ 3-го лица участвуют в двух последних оппозициях, не известных маркированным коммуникаторным местоимениям.

Среди некоммуникаторных ЛМ одно — местоимение *it* — немаркировано ни по одной оппозиции. Оно не имеет положительных признаков объединенности и пола. Отсюда отличающая *it* от прочих ЛМ широта диапазона употребления, его способность занимать в предложении и словосочетании именные позиции, не требующие никакого семантического наполнения, — позиции формального подлежащего и дополнения.

В результате описанной перестройки стал заметно слабее контраст между двумя подсистемами ЛМ. В древнеанглийском языке отчетливо противостояли друг другу в грамматическом отношении две подсистемы ЛМ: коммуникаторная из шести ЛМ в двух полностью симметричных лицах со специфической грамматической организацией и некоммуникаторная из одного ЛМ, грамматически близкого к существительным и указательным местоимениям. В современном английском языке исчезла симметрия между двумя лицами коммуникаторной подсистемы; с другой стороны, некоммуникаторные ЛМ полностью утратили морфологическое сходство с указательными местоимениями и существительными. Разграничение двух подсистем продолжает опираться, естественно, на семантические различия между коммуникантами и некоммуникантами; весьма существенны синтаксические различия между подсистемами, связанные прежде всего со способностью одних ЛМ и неспособностью других заменять существительное в предложении. Но морфологических различий между подсистемами стало меньше; тем самым укрепилось единство системы ЛМ.

7. Радикальной перестройке подверглись ЛМ также во втором своем грамматическом плане, который организует парадигмы каждого из ЛМ. Парадигмы ЛМ двухъярусные: первый ярус – собственно-словоизменятельный, организуемый изменением ЛМ по падежам; второй ярус – деривационный, связывающий местоимения собственно-личные и лично-предметные с притяжательными.

Характерной чертой древнеанглийского языка была однотипность склонения у всех склоняемых классов слов. Притяжательные местоимения изменялись по падежам, как прилагательные; лично-предметные – как указательные местоимения. Наиболее своеобразной была морфологическая характеристика собственно-личных местоимений, но падежи у них были те же, что у существительных. Правда, уже в древнеанглийский период наметились две особенности в склонении собственно-личных местоимений: низкая употребительность род. падежа, который из-за наличия притяжательных местоимений был лишен одного из своих значений; конвергенция двух падежей объекта – дательного и винительного.

В среднеанглийский период обе эти тенденции, во-первых, распространились и на некоммуникаторные (лично-предметные) местоимения, во-вторых, получили полное завершение. Сформировался единый объектный падеж на основе формы дат. падежа; только у местоимения *it* конвергенция с *he* обусловила использование в качестве объектного падежа формы прежнего вин. падежа, совпадавшего с именительным, а не дат. падежа, общего для муж. и ср. рода.

Для ЛМ характерны особо тесные парадигматические связи между род. падежом и притяжательными местоимениями. В древнеанглийском языке эти связи по-разному реализовались в двух подсистемах ЛМ. В коммуникаторной подсистеме у род. падежа собственно-личных местоимений и у притяжательных местоимений была та же основа; род. падеж был лишен притяжательного значения и поэтому употреблялся очень редко. В некоммunikаторной подсистеме притяжательное местоимение, по происхождению возвратное, не было генетически связано с род. падежом лично-предметного местоимения. Поэтому род. падеж сохранял притяжательное значение, в выражении которого он конкурировал с возвратно-притяжательным местоимением *ain*.

В среднеанглийский период в обеих подсистемах установилось единообразное выражение притяжательного значения. Оно было полностью передано притяжательным местоимениям — дериватам от основы род.падежа. Этот шаг имел два последствия: полное вытеснение из языка возвратно-притяжательного местоимения и ликвидацию формы род. падежа у всех ЛМ. Прежние формы род.падежа 3-го лица частично используются в качестве новых притяжательных местоимений (*his, hire > her*), но в двух других случаях они вытеснены дивергентными образованиями. Во мн. числе борьба между старой формой *hiere > here* и заимствованной *their* в XV веке завершилась победой последней. Форма род. падежа ср. рода *his*, совпадавшая с муж. родом, в XVI-XVII веках была вытеснена дивергентным новообразованием *its* из основы местоимения *it* с именным притяжательным формантом *s*.

Важным звеном в перестройке парадигм ЛМ в среднеанглийский период была, несомненно, полная утрата склонения притяжательных местоимений.

Подводя итоги перестройки словоизменительных и деривационных парадигм, составляющих второй план грамматической характеристики ЛМ, мы замечаем и здесь укрепление единства их системы. В обеих подсистемах — коммуникаторной и некоммunikаторной — сложилась единая трехчленная парадигматическая структура, в которую входят две падежные формы (именительная и объектная), а также притяжательный дериват. Укреплению внутреннего единства системы ЛМ способствовал, несомненно, окончательный морфологический отрыв ЛМ от прочих именных классов слов — существительных, прилагательных, указательных местоимений. Парадигматическая структура ЛМ, в основном сложившаяся к концу среднеанглийского периода, была специфической для этого класса слов и не имела аналогов в каких-либо иных классах.

8. Описанные выше изменения в системе ЛМ были составной частью большого процесса упрощения морфологии именных классов слов. Немалые потери понесла и система ЛМ: вместо 40 форм древнеанглийских ЛМ (не считая разветвленного адъективного склонения семи притяжательных местоимений) к концу среднеанглийского периода осталось всего 24 формы — по три формы у восьми местоимений I, we, thou, ye, he, she, it, they. Потери вызваны прежде всего утратой одного из двух падежей объекта (обычно винительного) и дв. числа. Однако в целом система ЛМ проявила немалую устойчивость против морфологической редукции — она сохранила три из четырех падежных форм и родовые различия в 3-м лице. Правда, для этого пришлось изменить грамматический статус некоторых форм. Так, словоизменительная форма род. падежа стала притяжательным дериватом, формы рода стали особыми ЛМ.

Обращает на себя внимание тот факт, что сохранение компонента системы ЛМ не всегда означает сохранение его в плане выражения, в прежней материальной оболочке. В пяти случаях — в трех формах мн. числа 3-го лица, в им. падеже женского местоимения, позже в притяжательном местоимении ср. рода — появились материально новые реализации they, them, their, she, its. Но их появление обусловлено тенденцией к сохранению компонентов системы: материальные реализации, которым грозило стирание в результате омофонии, были заменены реализациями устойчивыми.

Борьба за сохранение состава системы ЛМ, которая наиболее интенсивно шла в среднеанглийский период, продолжалась и в новозанглийский. Так, форма its закрепилась лишь в XVII веке. К этому периоду относятся и новые потери во 2-м лице — утрата числового различия вместе с местоимением ед. числа thou, утрата падежного различия с вытеснением им. падежа ye объектным you.

Мы рассмотрели, таким образом, целую серию важных изменений в системе ЛМ на протяжении истории английского языка, направленных на укрепление внутреннего единства системы, на обособление ее от других именных классов слов в морфологическом плане, на сохранение ее состава в условиях далеко идущей морфологической редукции. Но это лишь одна сторона в перестройке системы ЛМ — стабилизации. В ней отсутствует момент развития системы. В рамках этой тенденции возникали, как мы видели, и новые формы — но только для укрепления системы, для замены ее неустойчивых компонентов. Мы не можем не видеть ни одного действенного фактора, способного вызвать развитие системы ЛМ в направлении ее обогащения, расширения.

3. Другой, конструктивной стороной перестройки системы ЛМ является процесс развертывания новой парадигматической структуры. В ходе этого процесса сохранившиеся компоненты парадигмы ЛМ используются как исходный материал для строительства новой парадигмы с новыми грамматическими значениями, не находившими выражения в прежней парадигме. Этот процесс начался еще в среднеанглийский период, наиболее интенсивно развернулся в последние столетия и еще не завершен в современном английском языке.

Известны два его проявления, которые, однако, в грамматической литературе не принято каким-либо образом связывать. Одно из них (хронологически более позднее) – изменение взаимоотношений между двумя падежными формами ЛМ. Как известно, в последнее время в английском языке наблюдается экспансия объектного падежа, который вытесняет им. падеж из ранее закрепленных за ним употреблений в составе главных членов предложения. Экспансия объектного падежа постепенно преодолевает сопротивление нормативной грамматики; она идет в I-м лице дальше, чем в 3-м (2-е лицо в ней не участвует ввиду неразличения в нем падежных форм). Она охватывает сперва предикативную функцию (*It is me* вместо прежнего *It is I*), затем проникает в некоторые разновидности подлежащего: при сравнительных сказуемых (*He is as tall as I am*, но *as tall as me*; *Who did this? I did*, но *Who did this? Me*); при однородности ЛМ с другим подлежащим (Ильин, 1971, с.67–68).

Каково общее направление происходящего изменения? Хотя оно далеко еще не завершено и между зонами обязательного употребления обеих форм ЛМ располагается промежуточная зона, где выбор одной из них определяется различными грамматическими и стилистическими факторами, уже сейчас ясно, что промежуточная зона ранее целиком принадлежала им. падежу и постепенно отходит к объектному. Таким образом, новая граница между двумя формами вырисовывается достаточно отчетливо.

Прежняя граница была, несомненно, основана на функциональном различии: им.падеж употреблялся в составе главных членов предложения, т.е. как подлежащее или предикатив, а объективный падеж мог быть лишь подчиненным, второстепенным членом предложения. Функциональные различия наиболее характерны для категории падежа. Происходящая в современном английском языке дилемма их какими-то иными различиями дает основание говорить о ликвидации категории падежа у ЛМ (Ильин, 1964, с.191).

Далеко не столь ясен характер новых, складывающихся разлик-

ний между двумя рядами форм, представленных парой I - me. При обсуждении этого вопроса стало обычным ссылаться на историю ЛМ во французском языке, где в паре форм je - moi находят параллель к паре I - me. Моментов сходства между обеими парами немало. Ряд, представленный формой je, во французской грамматике называют безударным (forme atone), а ряд с формой moi - ударным (forme tonique). Отсюда попытка перенести это различие на английские ЛМ (Ильиш, 1971, с.68). Однако связать английское различие с ударностью и безударностью ЛМ не удастся: формы I, we, he, she, they, чаще всего действительно безударные, довольно легко становятся ударными (It is I who did this), а формы me, us, him, her, them чаще безударны, чем ударны.

Обсуждается в грамматической литературе также предложение считать формы ряда I превербами, т.е. морфемами, выражающими лицо глагола. Имеются серьезные основания трактовать таким образом грамматическую природу французских безударных местоимений, превращающихся в показатели лица субъекта и объектов при глаголе. Однако к английским ЛМ подобная трактовка неприменима (Смирницкий, 1959, с.181-186; Хаймович и Роговская, 1967, с.101-102).

Зона, куда не проникает экспансия форм ряда me, ограничена не только функционально, но и позиционно - это позиция одиночного (не однородного) подлежащего перед личной формой глагола. Все остальные позиции, способные заполняться собственно-личными и лично-предметными местоимениями, в той или иной степени доступны для форм ряда me. Сюда относятся такие позиции, как предикатив после глагола-связки, подлежащее в предложении без глагола или без личного глагола (Me a liar?), однородное подлежащее. В последнем случае формы ряда me появляются перед личным глаголом, иногда даже непосредственно предшествуют ему (You and her will get along). Это объясняется, очевидно, тем, что синтаксическая связь между однородными подлежащими и их общая связь со сказуемым гораздо сильнее, чем индивидуальные связи каждого однородного члена со сказуемым, существование которых вообще сомнительно. Функцию подлежащего выполняет скорее весь однородный ряд в целом, чем его отдельные члены. Но если местоимение, входящее в однородный ряд, само не является подлежащим, вполне понятно появление в этой позиции формы ряда me.

Следующее, что наблюдается в современном английском языке функционально-языковое различие между двумя рядами форм ЛМ может быть описано в терминах бинарной оппозиции между маркированными субъектно-префективными формами I, we, he, she, they и маркированными фор-

мами me, us, him, her, them, имеющими широкий диапазон употреблений в различных функциях и позициях. В формах you и it данная оппозиция нейтрализуется.

10. Процесс строительства новой парадигмы у притяжательных ЛМ проявился в расщеплении единственной сохранившейся у них формы на две – связанную (conjunct) и автономную (absolute). В качестве материальной основы для расщепления у двух местоимений (mine, thine) было использовано наличие двух фонетических вариантов – наряду с полным произношением существовали проклитические варианты с утратой конечного согласного n перед начальным согласным следующего слова (my, thy). У местоимений our, your, his, her, their с XIV века появляются варианты с добавочным конечным согласным: в центральном и южном диалектах – n (ourn, yourn, hisn, hersn, theirs), на севере – v (ours, yours, hers, theirs). Эти варианты были характерны для предикативного употребления и позиции после предлога of, т.е. для тех же позиций, в которых mine, thine не теряли конечный согласный. Таким образом, сложились два варианта притяжательных местоимений: один, фонетически более короткий, для употребления в качестве препозитивного атрибута, другой, с сохраненным или добавленным конечным согласным, для прочих употреблений.

В последние века расщепление у притяжательных местоимений полностью утратило первоначальную фонетическую основу и получило строгую нормативную фиксацию. При этом в качестве добавочного согласного закреплён s. Следует отметить, что возникшее позже других притяжательное местоимение its автономной формы вообще не получило.

Противопоставление связанных и автономных форм не основано на ударности и безударности; этим оно отличается от противопоставления между членами французской пары mon – mien. Связанные формы в английском языке обычно являются проклитиками, но могут получать эмфатическое ударение (This is 'my business); автономные формы часто ударны, но могут и терять ударение (a 'friend of mine). Нет здесь и чисто функционального различия: в словосочетаниях my friend и a friend of mine притяжательное местоимение в разных формах выполняет одну и ту же синтаксическую функцию определения.

Противопоставление связанных и автономных форм в современном английском языке покоится на функционально-позиционной основе и может быть описано в терминах бинарной оппозиции между формами

атрибутивно-пресубстантивными (связанными) и немаркированными автономными с широким диапазоном функций и позиций.

II. Расщепление притяжательных местоимений на две формы увеличило состав парадигмы ЛМ – вместо трех форм (конец среднеанглийского периода) в ней стало четыре формы (современный английский язык).

I	we	}	you	}	he	she	}	it	}	they
me	us				him	her				them
my	our	}	your	}	his	her	}	its	}	their
mine	ours		yours			hers		-		theirs

Какова структура новой парадигмы? Первые две формы в каждом столбце – ЛМ, обозначающие лица и предметы с точки зрения их участия или неучастия в акте коммуникации. По своим семантическим и синтаксическим свойствам у них много общего с существительными в "общем падеже"; наиболее типична для них синтаксическая связь с глаголом в качестве его субъекта или объекта. Поэтому их можно назвать прилагательными ЛМ.

Две другие формы – притяжательные ЛМ, обозначающие отнесенность предметов к соответствующим участникам или неучастникам акта коммуникации. По своим семантическим и синтаксическим свойствам они считаются близкими к прилагательным. Нельзя не заметить, однако, что английским прилагательным не свойственно значение принадлежности. Существенно и то, что сформировавшиеся в последние века автономные формы вообще не имеют соответствий среди прилагательных. Ближайшей параллелью к притяжательным местоимениям в грамматической системе современного английского языка следует считать не прилагательные, а существительные в притяжательной форме, употребление которой аналогично употреблению притяжательных местоимений как в связанной, так и в автономной форме: *my friend* – *Peter's friend*; *a friend of mine* – *a friend of Peter's* (Хаймович и Роговская, с.104). Для притяжательных форм как ЛМ, так и существительных типична семантико-синтаксическая отнесенность к существительному – названию обладаемого предмета. Притяжательные местоимения можно назвать присубстантивными ЛМ.

Таким образом, одна из бинарных оппозиций, образующих парадигму ЛМ, – это оппозиция прилагательности / присубстантивности

Как у прилагательных, так и у присубстантивных ЛМ есть две формы, закрепленные (или находящиеся в стадии закрепления) определенными позициями. Одна из них строго фиксируется в позиции к соответствующему глаголу или существительному

субъектно-префинитные формы I, we, (you), he, she, (it), they и атрибутивно-пресубстантивные формы my, our, your, (his), her, its, their. Им противостоят формы, занимающие все прочие позиции: постпозицию к глаголу или существительному, автономную позицию при эллипсисе глагола или существительного, препозицию к неличной глагольной форме и т.д. Это формы непрефинитные me, us, (you), him, her, (it), them и пресубстантивные mine, ours, yours, (his), hers, theirs. Соответствующую оппозицию можно назвать оппозицией препозитивности / непрепозитивности.

Параллелизм функционально-позиционных различий внутри приглагольных и пресубстантивных ЛМ заслуживает внимания. Ведь он возник на базе различий, весьма далеких друг от друга по происхождению. Исходным материалом для построения параллельных форм послужили в одном случае сохранившиеся падежные формы, в другом — вновь возникшие фонетические варианты. Именно это обстоятельство помешало традиционной грамматике обнаружить параллелизм: продолжая называть I — me двумя падежами личного местоимения, грамматика тем самым заведомо лишает себя возможности увидеть их сходство с формами my — mine, которые никогда падежными не были. Даже те грамматисты, которые обнаружили сходство оппозиции my — mine с падежной оппозицией, останавливаются перед этим терминологическим барьером (Хаймович и Роговская, с.104-105). Существуют, очевидно, два способа преодолеть его: либо назвать связанные и автономные формы двумя падежами притяжательного местоимения, либо вообще изъять термин "падеж" из описаний ЛМ. Второе решение представляется предпочтительным, так как оно лучше согласуется с общим направлением развития английской грамматической системы.

Преобразование совершенно разнородных исходных форм в члены одного функционально-позиционного противопоставления лишает нас возможности видеть здесь два отдельных изменения в двух разных разрядах местоимений — личных и притяжательных. Это единый процесс, охвативший систему ЛМ в целом и обусловленный внутренними закономерностями ее развития как единой системы. Имевшиеся падежные формы у одних ЛМ и фонетические варианты у других были использованы как наиболее пригодный строительный материал для создания форм новой парадигмы. Таким образом, новая парадигматическая структура ЛМ — не конечный результат двух разных процессов; наоборот, сами эти процессы явились лишь двумя равни-

зациями единого процесса формирования новой парадигмы английских ЛМ.

12. Единство системы ЛМ исторически укреплялось путем морфологического обособления включенных в нее местоимений от существительных и прилагательных, от других классов местоимений. Вполне закономерно, что описанная выше 4-членная парадигма ЛМ специфична для этого класса слов и не имеет параллелей в парадигмах других частей речи. Однако процесс интеграции системы ЛМ не может считаться законченным.

На рубеже средне- и новоанглийского периодов возникли новые дериваты ЛМ – возвратные местоимения. Их появление совпадает с общим направлением развития системы ЛМ – позиционной дифференциацией форм. Но для английских возвратных местоимений характерна морфологическая двойственность, отраженная в их морфемном составе. Первый компонент включает их в систему ЛМ, сохраняя у них все семантико-грамматические различия по участию / неучастию в акте коммуникации, по числу и полу коммуникантов и некоммуникантов, присущие ЛМ. Это дает основания считать возвратные местоимения пятым членом парадигмы ЛМ. Но их интеграции в систему ЛМ препятствует второй компонент *-self / -selves*, сохраняющий вполне отчетливую морфологическую близость к существительным. В современном английском языке следует, очевидно, считать возвратные местоимения словами, стоящими на пороге системы ЛМ. Процесс их интеграции в этой системе лежит, разумеется, за пределами обозримого будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бруннер К. История английского языка, т. II. М., 1956.

Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции. – В сб.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

Ильиш Б. А. Система личных местоимений в английском языке. – В сб.: Проблемы сравнительной филологии. М.–Д., 1964.

Ильиш Б. А. История английского языка. М., 1968.

Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. Л., 1971.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках равнинного Севера. М., 1969.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Е. Д. Педченко

ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. ХЭМИНГУЭЯ

I. Общеизвестно, что английский язык сложился на острове Великобритания. Однако в силу исторических, экономических и политических причин за последние столетия он получил широкое распространение во многих частях земного шара. Им пользуются как средством общения между людьми в ряде государств и континентов — Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и др.

Будучи перенесенным англичанами на новые земли и попав в другие природные, климатические и социальные условия, английский язык в своем дальнейшем развитии приобрел, естественно, особые черты, в той или иной степени отличающие его от английского языка Великобритании.

Вопрос об особенностях английского языка за пределами Великобритании привлекал внимание многих советских и зарубежных лингвистов. Особое место среди исследований занимают работы, посвященные изучению английского языка в США, в которых рассматривается вопрос о природе данного явления, т.е. о том, является ли английский язык в США самостоятельным языком, вариантом английского или его диалектом.

Из всех работ, изученных нами, наибольший интерес представляют исследования советского лингвиста А. Д. Швейцера, в которых автор научно обосновывает точку зрения о том, что английский язык в США является одним из вариантов современного литературного английского языка. В последней его работе (Швейцер, 1971) рассматриваются различительные черты американского и британского вариантов современного английского языка в свете общих проблем национальных вариантов литературного языка¹, в чем, на наш взгляд, заключается основная ценность данного исследования. Автором проделана большая работа по выявлению особенностей английского язы-

¹ Типология сходств и различий в группе близкородственных языков. Тезисы докладов научной конференции. Кисинев, 1972.

ка в США в области фонетики, грамматики и лексики. Ему удалось собрать богатейший фактический материал, подтверждающий все теоретические положения, которые исследователь излагает в своих работах.

Полностью разделяя точку зрения А.Д.Швейцера по поводу природы английского языка в США, мы поставили перед собой задачу проследить, каким образом выявленные А.Д.Швейцером и другими исследователями особенности английского языка в США находят отражение в современной американской художественной литературе, в частности, в творчестве одного автора.

Материалом исследования послужили произведения выдающегося американского писателя Эрнеста Хемингуэя: романы "Прощай, оружие!" (1929 г.) и "По кожному звонит колокол" (1940 г.), книга "Зеленые холмы Африки" (1935 г.), повесть "Старик и море" (1952 г.) и "Избавленные рассказы", куда вошли 28 лучших рассказов писателя, взятые из нескольких сборников: "В наше время" (1924 г.), "Мужчины без женщин" (1929 г.), "Победитель не получает ничего" (1933 г.) и др.

Литературное мастерство Э.Хемингуэя изучалось и изучается многими литературоведами. Его проза очень удачно характеризуется одним из них как "внешне простая и внутренне сложная, точная и намеренно многозначная, ясная и уходящая в глубину, скупая, как язык телеграфа, и исполненная затаенного смысла и не сразу открывающейся поэзии"¹.

Для нашей работы большой интерес представляет язык художественных произведений Э.Хемингуэя. Он современен, основан на живой разговорной речи и характеризуется в целом простой структурой предложений. "Лаконичность, сдержанность и простота вообще характерны для Хемингуэя, но эта простота — кажущаяся: она приходит в результате тщательного отбора языковых средств, кропотливой работы писателя над словом"². Подтвердим сказанное хотя бы одним примером:

...when I woke there was Garrick, wearing a large, very floppy, black-and-white ostrich-plume head-dress (GHA, p. 37).
(в огромном развевающимся головном уборе из черных страусовых перьев).

¹ Ф и н к е л ь т е й н И. "О рассказах Э.Хемингуэя". В кн.: Selected Stories. Moscow, 1971, с. II.

² И н т а л К., Ш а р и н а В. Комментарий. In: Green Hills of Africa. Leningrad, 1962, с. 60.

И далее:

Garrick, un-head-dressed, appeared.

(появился Гэрик уже без головного убора).

2. Перейдем к основному содержанию нашей работы – особенностям американского варианта английского языка, выявленным в вышеупомянутых произведениях Э.Хемингуэя. Собранный языковой материал позволяет остановиться на особенностях в области лексики, орфографии и грамматики. Однако рамки данной работы не позволяют осветить все три аспекта. Поэтому в статье будут рассмотрены лексические и орфографические особенности.

Начнем с особенностей в области лексики. Прежде всего выделим группу слов, пополнявших словарный состав языка переселенцев в XVII и XVIII веках и отражавших новые условия их жизни. К ним относятся такие слова, как gap – глубокое ущелье; bluff – обрыв, утес; underbrush – подлесок, поросль; clearing – участок леса, очищенный для обработки земли.

The road came out into a clearing (SS¹, p. 41).

Как видно из примеров, природа появления этих слов различна: первые два существовали в английском языке, а им было придано новое значение; остальные созданы по законам словообразования на базе известного языкового материала.

К этой же группе можно отнести названия многих видов флоры и фауны, которые переселенцы узнали от индейцев: moose – американский лось; skunk – скунс; tamarack – американская лиственница; filberts – американский лесной орех.

In a snowstorm you rode up to a moose and he mistook your horse for another moose (BT, p. 176).

I saw two skunks last night, Nick said (SS, p.41).

There was water on both sides of the track, then tamarack swamp (SS, p. 52).

I'll take one with filberts. Catherine said (FA, p. 213).

Непосредственное общение с индейцами обусловило заимствование многих слов из языков индейских племен. Нам встретились только два индейских слова: squaw – женщина-индианка; moccasin – мокасина (обувь индейцев).

Dick owes me a lot of money for pulling his squaw through pneumonia (SS, p. 38).

¹ Список условных сокращений названий произведений приведен в конце статьи.

Do you remember the cabinet in your father's office... and the feel of the beaded moccasins? (BT, p.317).

Так как североамериканский континент заселялся не только англичанами, но и народами из других европейских государств, то, естественно, в английский язык проникали слова из многих европейских языков.

В произведениях Э.Хемингуэя встречается особенно много слов, заимствованных из испанского языка. Это ranch - скотоводческая ферма; corral - загон для скота; peon - батрак, поденщик; poncho - плащ, накидка; canyon - каньон; plaza - рыночная площадь. When they came back to the ranch he'd been dead a week, frozen in the corral (SS, p. 296).

Back of him and to one side was a peon with a cape (SS, p.211). A man came out of the timber, a blanket worn over his head like a poncho (BT, p.73).

Below at the bottom of the canyon, we could see the tops of large trees (GHA, p. 17).

And we went up into the town to the plaza (BT, p. 100).

Анализ приведенных примеров показывает, что пополнение словарного состава английского языка в Америке в более ранний период его развития происходило путем расширения семантического поля имевшихся в языке слов, словообразования и заимствования слов из других языков.

Использование этих слов Э.Хемингуэем в своих произведениях свидетельствует о том, что они прочно вошли в словарный состав английского языка в США. Более того, эти слова принадлежат к общеамериканскому лексическому фонду.

Интересно отметить, что слова этой группы, как правило, появляются в тех рассказах или эпизодах, в которых описывается американская действительность: мы находим их и в авторском повествовании.

Следующую большую группу слов можно объединить под названием безэквивалентной лексики, куда входят лексические единицы, не имеющие эквивалентов в британском варианте английского языка. Здесь можно выделить две подгруппы: полные и частичные американизмы (Трейсер, 1963, с.102). В первой подгруппе отнесем однозначные слова например: intern(а) - студент медицинского колледжа или молодой врач; rooming-house - меблированные комнаты; columnist - репортер, обозреватель; downtown - деловая часть города.

How do you like being an intern? (SS, p.32).

He lives up at Hirsch's rooming-house (SS, p.71).

And as a society columnist put it... (SS, p.253).

In the evening he strolled downtown (SS, p. 105).

Ко второй подгруппе можно отнести многозначные слова, которые входят в американский вариант английского языка только в одном из своих значений. Это такие слова, как fraternity - студенческая мужская организация; caboose - служебный вагон в товарном поезде; dresser - туалетный столик; grade - класс, отметка в школе; lumber - бревна; up-town - жилые кварталы города; shucks - ерунда, створка устрицы; broad - (груб.) девка.

There is a picture which shows him among his fraternity-brothers (SS, p.103).

He looked up the track at the lights of the caboose going out of sight around the curve (SS, p. 52).

She laid the mirror down on the dresser (SS, p.162).

One of the girls is in the fourth grade (SS, p.37).

The house was rebuilt in the same place out of lumber now (SS, p.292).

She lived up-town in New York (SS, p.180).

"Good-by, Mrs.Garner," Nick said, "Thanks for taking me". "Oh shucks, Nickie" (SS, p.43).

There were a couple of broads sitting at the next table (SS, p.116).

В отдельную группу выделим слова, имеющие эквиваленты в британском варианте английского языка. Здесь мы имеем синонимические пары (редко несколько слов), выражающие одни и те же понятия. И в этой группе можно выделить две подгруппы:

а) Полные американизмы: suspenders - подтяжки (BE - braces); street-car - трамвай (BE - tram); freight-train - товарный поезд (BE - goods train); flat-car - железнодорожный вагон-платформа (BE - truck); bartender - буфетчик, бармен (BE - barman, barmaid).

I had started to say suspenders and changed it to braces in the mouth to keep my English character (SS, p. 180).

I saw a street-car cross a bridge (FA, p.103).

Nick had swung on to the freight train when it slowed down (SS, p.53).

...lying on the floor of the flat-car. I was wet, cold and very hungry (FA, p.166).

The bartender came back (FA, p.175).

BE - British English.

б) Частичные американизмы: elevator - лифт (BE - lift); can-консервная банка (BE - tin); gasoline - бензин (BE - petrol); phonograph - граммофон, патефон (BE - gramophone); truck - грузовой автомобиль (BE - lorry).

...and he stepped into elevator (BT, p.337).

I like the beer in cans best (OMS, p.19).

If I had a baby bottle full of gasoline. I would climb up there (BT, p. 427).

There was a long line of abandoned trucks and carts on the road (FA, p.149).

Заметим, что в американском варианте английского языка слово can приобрело целый ряд новых значений, в которых оно употребляется в разговорной речи - "тюрьма", "туалет", "сейф", "голова" и др. Слово gasoline имеет орфографический вариант gasolene, а в разговорной речи отдается предпочтение варианту gas. Особый интерес представляет многозначное слово truck. Оно является частичным американизмом и в значении "грузовой автомобиль" имеет синоним в британском варианте английского языка - слово lorry. Одновременно с этим в другом значении это же слово является синонимом полного американизма flat-car. Синонимами полного американизма bartender в британском варианте являются два слова - barman и barmaid. Интересно, что в США женщинам не разрешается продавать спиртные напитки, и поэтому, очевидно, не употребляется слово barmaid или какое-либо другое слово. Но в американском варианте английского языка есть другое слово в значении "продавец мужского пола" - barkeeper и его разговорный вариант barkeep.

Следует отметить, однако, что в некоторых случаях наблюдается параллельное использование обоих синонимов в американском варианте английского языка в одном и том же значении. Так, в анализируемых произведениях были обнаружены две синонимические пары bracers - braces и bartender - barman.

Особую группу составляют американизмы (полные и частичные), имеющие эквиваленты-синонимы в британском варианте английского языка, которые также употребляются и в американском английском языке, но в других значениях. Приведем несколько примеров. Синонимические пары с полными американизмами:

AE¹-sidewalk (тротуар) BE-pavement

We walked along together, along the sidewalk past the window shops (FA, p.102).

AE¹ - American English.

Слово pavement употребляется в АЕ в значении "проезжая часть асфальтированной дороги" (ВЕ - roadway).

АЕ - railroad (железная дорога) ВЕ - railway

A man dropped down the railroad embankment and came across the clearing to the fire (SS, p.55).

В американском варианте английского языка используются два слова, но существует определенное разграничение сферы их употребления. Так, railroad - это основная магистраль, предназначенная для большого пассажирского и товарного движения, а railway - путь второстепенный. Например, elevated railway и др. Однако отметим, что Э.Хемингуэй употребляет оба слова, не разграничивая данные смысловые оттенки. Сравним предыдущий пример со следующим:

Nick walked away from the fire across the clearing to the railway tracks (SS, p. 62).

Оба примера взяты из одного и того же рассказа "The Battler" и речь идет об одной и той же железной дороге.

Синонимические пары с неполными американизмами:

АЕ - cracker (тонкое, сухое печенье) ВЕ - biscuit

She brought crackers and we ate them (FA, p.73).

В АЕ слово biscuit обозначает лепешку, испеченную на дрожжах, не сладкую, которая почти всегда подается к столу в горячем виде (ВЕ - scone).

АЕ - baggage (багаж) ВЕ - luggage

It is less of baggage to carry with you on the other side (BT, p.10).

В последнее время слово luggage довольно часто используется американцами в речи, особенно в составе сложных слов и словосочетаний типа luggage compartment, luggage rack.

My rucksack and musettes were above his head on the luggage rack (FA, p.112).

АЕ-store (магазин, лавка) ВЕ-shop

It was Don Federico Gonzalez, who owned the mill and feed store (BT, p.107).

В США употребляется слово shop для обозначения магазинов дорогостоящих товаров, некоторых специализированных магазинов и отделов больших универсамов.

We were standing in front of the leather goods shop (FA p.103).

АЕ-mail (почта) ВЕ-post

...his sister brought in the mail (SS, p.108).

В АЕ слово mail предпочтительнее post во всех значениях, связанных с почтовыми отправлениями, за исключением сочетания postal post. В функции определения слово mail употребляется почти во всех случаях, кроме, пожалуй, одного - Post Office.

They came to the post-office near where she lived (SS, p.180).

Интересно отметить, что слово mail все чаще и чаще употребляется в современном британском варианте английского языка, особенно в таких сложных словах, как mail-bag, mail-van.

Определенный интерес представляет еще одна группа частичных американизмов, имеющих эквиваленты в ВЕ, но употребляющихся в современном английском языке США в значениях, которые в ВЕ устарели и вышли из употребления. К этой группе слов относятся:

to guess - думать, полагать

I guess I've done my good deed for to-day (BT, p.287).

fall - осень

Then in the fall the cattle are brought down to the lower ranges (BT, p.200).

timber -- лес

Behind the house were fields and behind the fields was the timber (SS, p.291).

Параллельно с этими словами в произведениях Э.Хемингуэя находим и общеанглийские слова - синонимы: to think, autumn, forest, но употребляются они значительно реже, чем to guess, fall, timber.

Нельзя не остановиться на многочисленных примерах очень частого употребления автором некоторых слов, таких, как to bet, to fix, kid, bit, mess, pretty, grand, rotten, swell, sure и др. Все они широко используются в разговорной речи персонажей, приобретая зачастую новые оттенки общеизвестных значений. Так, например, слово pretty употребляется в значении "очень".

'It's pretty hot', the man said (SS, p.163).

Гораздо чаще слово pretty ослабляет качество определяемого слова и становится синонимом слова rather:

I thought the whole thing was a pretty good story (SS, p.321).

Из многочисленного синонимического ряда слов, означавших "прекрасный, превосходный, очень хороший", в разговорной речи акцентируется предпочтение прилагательным swell и grand:

I had a swell time (SS, p.43).

You're a grand girl (FA, p.211).

Подчеркнуто отрицательную коннотацию приобретают слова **rotten** - ужасный и **mess** - неприятность.

It's a rotten day (SS, p.173).

It was an awful mess to put you through (SS, p.33).

Наибольший интерес среди выделенных слов представляет глагол **to fix**, который не только часто используется автором, но передает значения многих других глаголов. Еще Ч.Диккенс называл его "универсальным глаголом" (Швейцер, 1963, с.37).

Подтвердим сказанное примерами:

If I can fix it so that I get an even break, that's all I want (SS, p. 198).

I had an old order of movement. I fixed the dates on it in Mestre (FA, p.180).

I'll fix those sandbags better (FA, p.80).

"I'll get well", I said. "Valentini will fix me" (FA, p.75).

But I'll fix everything to be together (FA, p.96).

I fix the other wire and come back (BT, p.413).

Во всех этих примерах глагол **to fix** употреблен в следующих значениях: "устроить, уладить что-либо, исправить дату, уложить что-то, вылечить кого-то, сделать (все), присоединить (провод)". Довольно часты случаи употребления глагола **to fix** с послелогом **up** в значениях "решить, уладить, урегулировать".

That just fixes everything all up. I suppose (SS, p.122).

Внимательно изучив примеры, приведенные выше, а также все остальные случаи употребления глагола **to fix**, выявленные в анализируемых художественных произведениях, можно предположить, что данный глагол, как правило, заменяет переходные глаголы. Что же касается всех слов этой последней группы, можно отметить их явную тенденцию к расширению многозначности.

Среди американизмов, использованных автором, выделяется небольшая группа евфемизмов. К ним прежде всего относится слово **darn**, являющееся синонимом ругательства **damn**:

"You look pretty darn nice", he said (SS, p.162).

Во втором примере вместо слова **dumb** в значении "тупой" находим словосочетание **a four-letter man**:

So he is a four-letter man (SS, p.235).

Особый интерес вызывает употребление слов **obscene**, **obscenely**, **obscenity** (п.в.) вместо каких-то очень грубых бранных слов. Все деривативы образованы от **obscene**, которое означает "непристойный, бесстыдный, неприличный".

That we blow up an obscene bridge and then have to obscenely well obscenity ourselves off out of these mountains? (BT, p.47).

Let the filth-faced obscenity blow it and be done (BT, p.417).

Наряду с эвфемизмами в произведениях Э.Хемингуэя имеется значительное количество вульгаризмов, характерных для разговорной речи и используемых в обоих вариантах английского языка.

3. Перейдем к вопросу о словообразовании. Установлено, что для образования новых лексических единиц в американском варианте английского языка используются такие же способы, как и в британском варианте. Различия наблюдаются лишь в том, что одни средства являются более продуктивными, другие - менее.

Вышесказанное целиком и полностью подтверждается примерами из произведений Э.Хемингуэя. В них представлены все продуктивные способы словообразования современного английского языка: словопроизводство, словосложение, конверсия и сокращения. Остановимся на самых интересных, на наш взгляд, примерах.

В области словопроизводства автор использует деривативы, образованные при помощи продуктивных в АЕ аффиксов.

Droopy was a real savage, handsome, a fine hunter and a beautiful tracker (GHA, p.9).

Здесь слово tracker - следопыт образовано от широко используемого в США слова track > to track - оставлять следы.

I am not a defeatist, you understand (BT, p.229).

Значение производного существительного - "пораженец".

He is shootable - в него можно стрелять.

Then came the rideless horse (BT, p.308).

Этот пример можно считать авторским словотворчеством, так как производное прилагательное rideless - лошадь без всадника образовано не от rider - всадник, а от глагола to ride.

...balking like some super-rhino (SS, p.245).

В этом случае производное существительное образовано при помощи очень продуктивного в АЕ префикса super-.

Словосложение в АЕ представлено большим количеством сложных лексических единиц. Мы упоминали ранее такие американизмы, как street-car, railroad, rooming-house, bartender, sidewalk и др. Приведем еще несколько сложных слов, компонентами которых были американизмы: lumberman - лесоруб, droveman - дровосек и lumberjack - лесник, торговец лесом; hore-boy - подросток-рабочий;

But the lumberman might never come for them (SS, p.35).
About the half-wit chore-boy, who was left at the ranch
that time (SS, p.296).

В последнем случае первый компонент сложного слова chore - американский вариант английского chore - небольшая домашняя работа. Образование этих двух сложных существительных произошло по наиболее продуктивной модели (n + n), хотя в первом случае второй компонент -man можно рассматривать и как полусуффикс.

Очень широко представлены в произведениях сложно-производные прилагательные типа (n/adj. + n) + ed : bow-legged, low-bodied, brown-splashed и др.

Большой интерес представляют авторские словообразования - даусоставные и многосоставные. Например:

...and in the last long-acking, leg-dead, mouth-dry, bullet spitting, bullet-cracking, bullet-singing run up the final slope of the hill (BT, p.291).

Здесь использованы автором самые разнообразные модели образования сложных слов, свойственные словосложению современного английского языка.

...and then the old bald, spectacled, conceited, stupid-as-an-owl, unintelligent-in-conversation, brave-and-as-dumb-as-a-bull, propaganda-built-up defender of Madrid (BT, p.224).

В данном примере автор трансформировал в сложные слова целые фразы и словосочетания.

Как и следовало ожидать, в анализируемых художественных произведениях находим бесчисленное множество конвертированных слов. Причем конверсии подвергаются самые разнообразные по своей структуре лексические единицы.

Простые существительные bunk и truck превращены в глаголы to bunk - спать на койке, to truck - перевозить на грузовом автомобиле, а в нашем примере - перевозить груз на телеге.

You might as well bunk with me, Jerry (SS, p.134).

We trucked freight across the mountain with big carts (BT, p.176).

Явным авторским словотворчеством является использование существительного dictionary в функции глагола:

He, dictionarying heavily... (ЗНА, p.11).

(Я, усиленно ронял в словаре...)

Конвертируются сложные слова. Приведем еще один пример:

американизм downtown в словарях обозначен как существительное, прилагательное и наречие.

Или: You'll left-hand him to death (SS, p.116), где to left-hand - наносить удары левой рукой.

All the advertisements were blacked out, supposedly to prevent communication in that way with the enemy (FA, p.209).

Заметим, что в AF to black out имеет новое значение - "за-секречивать".

Конверсии подвергаются также и сокращенные слова, как, например, to pic - выступать в качестве пикадора (picador > pic(n) > to pic).

Would you pic two bulls for me to-morrow night? (SS, p.198).

Среди слов, образованных по конверсии, обращает на себя внимание субстантивированные словосочетания типа "глагол + пред-ложное наречие". Этот процесс можно изобразить следующим обра-зом: [(v + prep.adv.) + conversion].

Подтвердим это примерами.

We heard that Germans and Austrians had broken through in the north (FA, p.133).

Suppose we got a break-through to-day (BT, p.405).

В первом случае мы имеем сочетание глагола с предложным на-речием, во втором - образованное от него по конверсии существи-тельное. Подобными образованиями являются: flare-up (BT, p.410) - световой сигнал, вспышка; turn-off (FA, p.33) - поворот (дороги); sell-out (BT, p.16) - распродажа; пьеса или выставка, пользу-ющаяся большим успехом и др.

Несколько слов о сокращениях. В анализируемых произведениях находим сокращенные слова и аббревиатуры, но их количество не очень велико. Например:

Don't get huffy, Doc (SS, p.37).

I'd rather get another buff (GHA, p.17).

He was chased by a huge rhino to-day (GHA, p.17).

He's wearing a sweater and an old pair of pants and boxing shoes (SS, p.119).

I've got to have one good pic (SS, p.193).

The gyp sprinted and vaulted red fence (SS, p.205).

В этих примерах мы видим сокращения одного типа - апокону, т.е. усечение конца слова и сохранение начала: doctor > doc, buff > buff, rhinoceros > rhino, pantaloons > pants, picador > pic, gypsy > gyp.

Наконец укажем на то, что автор довольно часто использует аббревиатуру O.K., столь типичную для разговорной речи американского варианта английского языка.

4. Анализируя собранный языковой материал, мы обращаем внимание на несколько необычные для современного английского языка случаи употребления предлогов. Остановимся прежде всего на предлогах времени, указывая параллельно общеанглийские нормы.

AE

on the morning (FA, p.220)

in the night (GHA, p.13)

on time (BT, p.214)

ten minutes after five

(FA, p.212)

to get something Monday

(SS, p.36)

Предлоги места:

AE

...and have a drink in comfort

on the bed (SS, p.315)

...threw my exploders in the

river (BT, p.411)

...looking out the window

(SS, p.277)

There were apartments there that

face on park (BT, p.328).

BE

in the morning (утром)

at night (ночью)

in time (вовремя)

ten minutes past five

(десять минут шестого)

to get smth on Monday

BE

in bed (в постели)

into the river

to look out of the window

(выглядывать из окна)

to face smth

С точки зрения норм английского языка несобито употребление предлогов после некоторых глаголов:

AE

to knock on (upon) the door

(SS, p.72)

to die on pneumonia

(SS, p. 89)

to join up with the Italians

(FA, p.16)

to name for smb

(BT, p. 180)

BE

to knock at the door

(стучать в дверь)

to die of, from smth

(умирать от какой-либо болезни)

to join smb/smth

(присоединиться к кому-либо или чему-либо)

to name after smb

(называть что-либо именем)

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что особенности употребления предлогов в американском варианте английского

го языка не влекут за собой каких-либо смысловых расхождений. В большинстве случаев мы отмечаем замену одних предлогов **BE** другими в **AE**, а в некоторых случаях - отсутствие предлогов в **BE** и наличие их в **AE** (to join up with).

5. В исследуемых произведениях Э.Хемингуэя выявлено значительное количество фразеологизмов (более 100 примеров). Подавляющее большинство - это фразеологические единицы, используемые в обоих вариантах английского языка. Однако среди общего количества примеров есть устойчивые сочетания, которые отмечены в фразеологических словарях как американские (Кунина, 1967; Whitford and Dixon, 1963). Например: to give a big hand - продолжительно аплодировать; on the house - за счет пивной, бесплатно; monkey business - глупое поведение, дурачество; cut it out - брось, перестань; a hundred per cent - целиком, полностью, вполне; to have got the guts - иметь мужество сделать что-либо; old timer - заносчиватый, свой человек; in single file - гуськом, по одному; to give a ride - поднять на смех, выобрать; to be crazy as a coot - спятишь, рехнуться.

The crowd gave him a big hand (SS, p.188).

Have a drink on the house (SS, p.325).

No monkey business (SS, p.200).

Cut it out and take it (BT, p.175).

...he was a true party man, a hundred per cent they said, proud to use the Americanism (BT, p.221).

Of course you haven't got the guts to just go back (SS, p. 173).

You must be an old timer out here (CHAp.59).

The five of us in single file (CHAp. 13).

She is giving him a ride (SS, p.239).

I'm crazy as a coot (SS, p.290).

Структурный анализ упомянутых фразеологизмов показывает, что они не были созданы особым способом, свойственным только американскому варианту английского языка. Здесь, как и в общанглийских или британских фразеологизмах, мы находим следующие структурные модели:

AE

BE

1) [v + smb + smth] to give smb a ride to give smb a lecture

Для образования фразеологизмов этой модели используются глаголы, обладающие в обоих вариантах чрезвычайно большой сочетаемостью (to give, to get, to take, to have, etc.).

2) [n + n] monkey business	toy dog
3) [adj + n] old timer	old stayer
4) [v + n] to have the guts	to have the heels
5) [adj + as + n] crazy as a coot	close as an oyster

В американских фразеологизмах, как и в британских, допускается замена одного из компонентов, не вызывающая семантических изменений. Например:

to <u>give</u> smb a ride	to <u>take</u> smb for a ride
crazy as a <u>coot</u>	crazy as a <u>bedbug</u>
in <u>single</u> file	in <u>Indian</u> file

Следовательно, в данном случае нельзя говорить о каких-либо расхождениях в самой системе языка. Можно только отметить наличие новых фразеологизмов, созданных в американском варианте английского языка по общеанглийским моделям.

6. Остановимся на использовании слэнга в анализируемых произведениях Э.Хемингуэя. "К слэнгу относят эмоционально окрашенные слова и устойчивые словосочетания, бытующие в разговорной речи и находящиеся вне пределов литературного языка" (Швейцер, 1963, с.153).

Исходя из этого становится ясно, что лексика и фразеология, относящиеся к слэнгу, шире используются в устной разговорной речи, чем в письменной.

Так как любое художественное произведение включает разговорную речь персонажей (прямую и несобственно-прямую), то именно в ней и можно обнаружить определенное количество слэнгизмов. Они иногда проникают и в авторское повествование.

Установлено, что слэнг нашел довольно широкое распространение в американском варианте английского языка и имеет значительно больше характерных черт, чем в ВЕ (Швейцер, 1963, с.152).

В художественных произведениях многих современных американских писателей (Деймон Раньон, Джо Селинджер и др.) можно найти большое количество слов и устойчивых словосочетаний, относящихся к слэнгу.

На основании изученных нами произведений можно сказать, что Э.Хемингуэя нельзя причислить к тем писателям, которые широко используют слэнг в своем творчестве, о чем свидетельствует количество собранных примеров (около 50). Это обстоятельство не позволяет сделать детальный анализ данного языкового материала.

Приведем примеры слэнгизмов, использованных Э.Хемингуэем в своих произведениях.

1. Слова, относящиеся к американскому слэнгу: dresser - человек, одевающийся со вкусом; runt - заморыш, slob - неряха, slutty; pan-лицо; can - голова; shot - неразбавленный виски; grand - тысяча долларов; buck - доллар; dough - деньги; nut - чудака, сумасброд; to sock - бить, дубасить; to gass - болтать; to gyp - мошенничать, жульничать; kidder - шутник; shiner - синяк и др.

Steinfeld and Morgan were dressers (SS, p.126).

You know what I'm betting on him? Fifty grand.

That's a lot of dough (SS, p.130).

Give me another shot of that (SS, p.195).

He's a lousy runt (GHA, p.15).

The government gyps us (FA, p.134).

Where did you get the shiner? (SS, p.121).

I lay away and worry my can off (SS, p.130).

2. Устойчивые словосочетания:

to be at half cock - подвыпить, быть на взводе; to give smb a ride - убить, прикончить; as crazy as a bedbug - совсем спятил, рехнуться; hot sketch - недоносок; wise boy - нарушитель спокойствия, смутьян; to be cooked - попасть в трудное, безвыходное положение, проиграть что-либо, быть побежденным.

You are a hot sketch (SS, p.59).

But he is as crazy as a bedbug (BT, p.393).

If those bastards let them through we are cooked (FA, p.132).

They're what you call wise boys (SS, p.125).

Данные примеры можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, они, как правило, являются синонимами существующих в языке лексических единиц; во-вторых, им свойственна грубовато-фамильярная, пренебрежительная, презрительная, вульгарная, шутливая окраска; в-третьих, они созданы на базе имевшегося в языке языкового материала; в-четвертых, сфера их употребления ограничена в основном разговорной речью.

7. Меньше всего в произведениях Э.Хемингуэя представлены расхождения между американским и британским вариантами в области орфографии.

Из 12 случаев отклонений от британской орфографической нормы в написании простых и производных слов (Швейцер, 1963, с.77-82) в анализируемых произведениях находим наиболее полно представленный только один случай - написание существительных (и их производных) романского происхождения на -our. В американском варианте в этом буквосочетании опускается "u". Например: labor, par-
lor, harbor, favor, odor, armor (SS, pp. 30, 105, 115, 175, 257,

279); different colored capsules (SS, p.227), often rumored (SS, p.253).

Заметим, что не во всех произведениях автор придерживается этой нормы написания. Так, например, в романе "По ком звонит колокол" подобные слова пишутся с "u" в буквосочетаниях our, т.е. так, как принято в британском варианте.

Что касается отсутствия удвоения буквы "l" перед словообразующими и формообразующими суффиксами, можно сказать, что эта особенность почти не наблюдается. Встретился только один пример: traveling clothes (SS, p. 147), в котором "l" не удваивается, что соответствует орфографической норме АЕ. Во всех остальных случаях автор придерживается британской нормы орфографии. Например: travelled (BT, p.373), travelling-coat (SS, p.180).

Имеется и ряд других случаев, в которых автор придерживается британской орфографии, а именно: fulfil, woolly, let-down, etc.

В следующих примерах встречается как американское, так и британское написание некоторых слов:

АЕ

It was a gray, wet morning,
(GHA, p.36).

The gypsy was very good
with the banderillos (SS,
p.212).

ВЕ

He was a short and solid
old man in...grey iron-
stiff trousers (BT, p.5).
Where is that filthy gip-
sy? (BT, p.272).

В одном из произведений мы находим американский вариант написания слова curb - обочина тротуара (BE - kerb):

...and walked... to the carriage at the curb (FA, p.111).

Нам встретился довольно любопытный случай написания слова good-bye (SS, p.43) (вместо BE good-bye), в котором явно проявляется тенденция американской орфографии к упрощению.

В отношении сложных слов наблюдается вариантность раздельного, дефисного и слитного написания, допускаемая в одних и тех же словах или в одних и тех же моделях сложных слов. К сожалению, эта неустойчивость приводит к тому, что трудно усмотреть какую-либо систему или закономерность в орфографии сложных слов.

Итак, мы закончили рассмотрение особенностей американского варианта английского языка в области лексики и орфографии, выявленных в художественных произведениях Э.Хемингуэя.

Прежде чем перейти к заключительной части работы, следует

указать на то, что в основном в анализируемых произведениях описываются события, происходящие не на американской почве: "Прощай, оружие" - Италия и Швейцария, "По ком звонит колокол" - Испания, "Зеленые холмы Африки" - Африка, "Старик и море" - Куба. Только действие 10 рассказов (из 28 в "Избранных рассказах") происходит в США. Правда, среди действующих лиц во всех произведениях (больших и малых) есть американцы.

Это обстоятельство, на наш взгляд, в какой-то степени определяет наличие примеров, характеризующих особенности американского варианта английского языка в данных произведениях. Надо сказать, что в общем-то их не очень много и распределяются они не-одинаково. Так, например, в повести "Старик и море" (Куба) их всего около 10 (23 страницы), а в рассказе "Пятьдесят тысяч долларов" (США) - 36 примеров (30 страниц). Или возьмем "Избранные рассказы". В 10 рассказах (место действия - США) 117 примеров (95 страниц), а в 18 рассказах (место действия - другие страны) 35 примеров (191 страница). Следовательно, в среднем на страницу текста, описывающего события в США, приходится более одного примера; один пример в тексте "Старик и море" приходится на восемь страниц, а в "Избранных рассказах" - на две страницы.

Немаловажно и то, появляются ли американизмы в прямой или несобственно-прямой речи и в авторском повествовании. В этой связи анализу были подвергнуты "Избранные рассказы", причем наблюдения велись по двум группам рассказов, разделенных в зависимости от места действия:

1-я группа из 10 рассказов о США;

2-я группа из 18 рассказов о других странах.

Результаты анализа:

	Кол-во страниц	Всего примеров	Прямая речь	Несобственно-прямая речь и авторское повествование
1-я группа	95	117	75	42
2-я группа	191	95	29	66
Всего	286	212	104	108

Следовательно, в первой группе рассказов количество американизмов в прямой речи значительно выше, чем во второй (75 - 29), что объясняется национальной принадлежностью действующих лиц в обоих случаях.

Обращает на себя внимание близкое по количеству число амер-

анизмов в несобственно-прямой речи и авторском повествовании. Согласно теории вероятности при равном количестве страниц в обеих группах произведений количество данных примеров могло бы быть равным. Этот факт свидетельствует о том, что Хемингуэй, как американцу, свойственно употребление американизмов, причем в основном тех, которые прочно вошли в словарный состав языка.

Небезынтересно и общее количество анализируемых слов: в прямой речи — 104, в несобственно-прямой и авторском повествовании 108, т.е. почти равное. Однако равновесие здесь кажущееся, так как каждая общая сумма состоит из разнозначных компонентов.

Заметим также, что слова и словосочетания, выявленные в прямой речи, принадлежат в своем подавляющем большинстве к разговорному лексическому пласту, а слова авторского повествования — в основном нейтральные.

Подводя итог всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Особенности американского варианта английского языка в области лексики и орфографии вполне возможно проследить на материале современных художественных произведений только одного автора.

2. Количество случаев употребления американизмов зависит от манеры изложения (прямая, несобственно-прямая речь или авторское повествование), национальной принадлежности персонажей и места описываемых событий.

3. Американизмы в исследованных художественных произведениях представлены не в одинаковой мере по аспектам языка: их больше в лексике, меньше во фразеологии и сленге и совсем мало в орфографии.

4. Американизмы, использованные автором, разделяются на две группы: полные и неполные. Неполные американизмы очень часто употребляются автором параллельно с общеанглийской лексикой, и во многих случаях при наличии синонимичных пар автор отдает предпочтение общеанглийскому варианту.

5. В анализированных произведениях содержится значительное количество примеров авторского словотворчества. Создание авторских неологизмов основано только на существующих в английском языке словообразующих моделях. Не исключена возможность того, что некоторые лексические единицы, созданные писателем, со временем войдут в словарный состав языка и станут новыми американизмами.

Все это дает возможность полагать, что автор далек от мысли о существовании двух самостоятельных, резко отличающихся друг от

друга языков. Своим творчеством Э.Хемингуэй подтверждает единственно правильный, научно обоснованный тезис о том, что английский язык в США — это вариант английского языка, отличительные особенности которого не затрагивают макросистему, а относятся к различным микросистемам английского языка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Ш в е й ц е р А. Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963.

Ш в е й ц е р А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.

С Л О В А Р И

Webster's New World Dictionary of the American Language (College Edition). Cleveland and New York, 1959.

The American College Dictionary, edited by C.L. Barnhart and Jess Stein. N.Y., 1966.

A Dictionary of Contemporary American Usage, by Bergman and Cornelia Evans. N.Y., 1957.

Handbook of American Idioms and Idiomatic Usage by H.C. Whitford and R.J. Dixon. N.Y., 1953.

The Pocket Dictionary of American Slang compiled by H. Wentworth and S.B. Elexner. N.Y., 1969.

English-Russian Dictionary by V.K. Muller, Moscow, 1970.

New English-Russian Dictionary by I.R. Galperin in II volumes, Moscow, 1972.

К у н и н А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

FA - A Farewell to Arms. Leningrad, 1971.

BT - For Whom the Bell Tolls. Penguin Books, 1969.

GHA - Green Hills of Africa. Leningrad, 1962.

Г.М.Бурденюк

СТЕПЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОТ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

Служебные слова, как известно, в языках аналитического строя несут на себе большую коммуникативную нагрузку. Статистические подсчеты показывают, что в 100 английских предложениях в среднем может встретиться около 300 предлогов, 200 местоимений и 100 других служебных слов (Френч, 1967, с.136). Их пропуск или неправильное употребление будет мешать полноте и точности передаваемой или воспринимаемой информации. Поскольку под семантически значимой информацией подразумевается информация, оказывающая влияние на поведение того, кто ее воспринимает, и поскольку не сообщают никакой информации только полностью предсказуемые слова, то предлог, например, "несет информационную нагрузку и больше" (Ехалава, 1966, с.112), так как в свободном употреблении¹ его не всегда можно предусмотреть и с точки зрения передаваемой им информации он "менее подвержен воздействию контекста" (Пиотровский, 1968, с.94).

Так, в процессе речи любое сочетание слов коммуникативно направлено, и слушающий, естественно, воспринимает его как своеобразный сигнал к дальнейшему развитию мысли говорящего. Ведь слова сами по себе только условные знаки. "Они означают тот смысл, какой в них вкладывает говорящий, и то, как их должен понять слушающий" (Smith, 1963, p.113). Например, услышав "We plan to work...", слушающий еще не может предугадать, где, как, когда, почему и при каких обстоятельствах будет совершаться действие. Появление же предлогов сразу направляет слушающего в определенное русло а н т и ц и п а ц и и, подготавливает его к восприятию дальнейшей мысли в каких-то определенных ограничениях, так как появление предлогов сужает зону восприятия. Предлог in будет сиг-

¹ В данной статье речь будет идти только о свободном употреблении предлогов.

нализировать о месте действия, for - о цели действия, during - о времени, with - о совместности или орудия и т.д. Таким образом, предлог как бы "руководит" ситуацией¹ в зависимости от интенции говорящего. Существенно, что при свободном употреблении предлога интенция играет решающую роль.

В связи с этим интересной представляется работа М.Брайант (Bryant, 1930, pp.45-46), в которой автор, проанализировав огромное количество судебных дел и исследовав вопрос о влиянии различной интерпретации значения артиклей, предлогов и союзов на ход процесса и на вынесение судом приговора, приходит к выводу, что слушающий может по-разному истолковывать значение одного и того же предлога в соответствии с коммуникативной интенцией. Проиллюстрируем сказанное на примерах.

Case 1. In Alabama, in 1879, Powell was working with others in another man's field, which was located more than a mile from his own house. There he sold liquor from a jug which he had with him. He had no license as a retailer from a proper legal authority. Thus he was convicted for selling liquor without a license according to the law which stated that one was guilty of a misdemeanor who sold liquor in small quantities which was drunk "on or about the premises". Powell pleaded that the liquor was not drunk on or about his (разрядка наша. - Г.Б.) premises, but it was decided that the liquor was about the premises.

Интерпретация этого дела базировалась на интенции суда. На самом же деле напиток не находился "on or about the premises". Суду нужно было пресечь подобные действия в будущем. Поэтому он по своему желанию истолковал "about the premises" как "на территории, в пределах любого хозяйства".

Case 2. In Alabama, Diffey carried a pistol concealed in a hand basket, which he carried in his hand or in his arm from his home to the station on the street railway, a distance of three or four hundred yards. After he entered the car he put the basket on the seat beside him. He was convicted for carrying a weapon concealed "on or about the person".

В данном случае оружия не было "на" или "при" Диффи, но оно было "в пределах досягаемости". Интенция суда состояла в том, чтобы

¹ Под ситуацией, вслед за Леонтьевым (1968), понимается совокупность условий, речевых и неречевых, необходимых и достаточных для того, чтобы осуществить речевое действие по намеченному плану.

подчеркнуть факт, что оружие было рядом и могло быть в любое время использовано.

Приведенные примеры показывают, что в зависимости от того, как интерпретируется значение предлога *about*, по-разному истолковывается и ситуация, что свидетельствует о роли интенции при использовании предлогов в речи. В свою очередь, при истолковании текста без знания интенции говорящего часто трудно понять назначение предлога в пределах только одного предложения или даже узкого контекста.

Например:

1. I kissed all the girls at the Town Hall.

(Из примера неясно "kissed at the Town Hall" или "girls at the Town Hall").

2. I cried at my music lessons.

(Возможные варианты интерпретации - where? или when?).

3. The doctor saw a group of natives standing round some object at the water's edge (S. Maugham¹).

("natives standing at the water's edge" или "object at the water's edge").

В таких случаях можно восстановить коммуникативную интенцию из более широкого контекста.

1. I'd gone to the Thespians' Christmas party, and been the back end of a horse in the children's play, and kissed all the girls at the Town Hall after the traditional lunch - time booze-up (J. Braine).

(В данном случае имелись в виду все девушки, которые были в здании ратуши).

2. I cried at my music lesson that day - how many years ago! (K. Mansfield).

(В данном контексте подчеркивается время действия).

В третьем же примере только знание всей ситуации помогает нам обратить внимание именно на предмет, который лежал у самой воды, а не на стоящих вокруг людей. Таким образом, интенция способствует правильному определению характера выраженных в предложении отношений, т.е. в данном случае в силу вступают аргументы экстралингвистического плана.

Как следует из примеров, истолкование и употребление предлогов теснейшим образом увязано с коммуникативной интенцией говорящего и менее всего обуславливается семантикой окружающих пред-

¹ Список названий произведений приведен в конце статьи.

лог компонентов. Исходя из существующей точки зрения, что программа высказывания "складывается из своего рода "вех", т.е. включает в себя корреляты отдельных, особенно важных для высказывания его компонентов" (Леонтьев, 1969а, с.159), предположительно, можно причислить именно к таким смысловым "вехам", так как "суть языка лежит скорее... в связи понятий" (Сэпир, 1933, с.18), а эта связь в языке осуществляется в значительной степени и предлогами.

Такой подход к интерпретации роли предлога в языке позволяет заглянуть за пределы грамматики и увидеть в предлоге своеобразный сигнал мысли, а не просто служебное слово, осуществляющее связь рядом стоящих компонентов в предложении, употребление которого зависит от этих компонентов.

В связи с этим представляется уязвимой точка зрения, согласно которой, например, в конструкции V-Pr-N "глагол предсказывает с определенной степенью вероятности появление того или иного предлога; имя, в свою очередь, предсказывает появление одного из возможных предлогов, а предлог, в силу своего срединного положения в конструкции, предсказывает как появление глагола, так и имени: глагол $\longleftrightarrow$ предлог $\longleftrightarrow$ имя" (Коссеко, 1967, с.10; Бархударов, 1967; Жигadlo, 1949).

Ввиду того, что значение слова является психическим образованием, основанным на обобщенном отражении в нашем сознании предмета, явления и т.д., логичнее смотреть на глагол в сочетании V-Pr-N как на указатель характера совершаемого действия (to drive - to walk - to dig - to take - to put). Его употребление диктуется намерением говорящего подчеркнуть, что предмет, явление и т.д. (и в структуре) подвергается какому-то воздействию. В исследуемой структуре глагол указывает на предмет, явление и т.д., на который распространяется действие, представляющее собой направленное или ненаправленное движение на объект, в его пределы, внутрь его. Предлогу же в данной структуре отводится особая роль. Именно предлог показывает, какая часть, сторона и т.д. объекта подвержена воздействию, и употребление того или иного предлога в структуре V-Pr-N зависит от коммуникативной интенции говорящего выделить эту пространственную характеристику объекта. Вот почему с одними и теми же компонентами в структуре возможно употребление разных предлогов:

1. I decline to live any longer in the same house with them (J. Jerome). He lives in a dingy house (W. Saroyan).
(Подчеркивается внутреннее пространство, о б ъ е м дома).

2. He also felt a pleasant glow at the knowledge that Mr. R.M. was in town and staying at his brother's house (K.Watherhouse). I failed to find him at his house (A.Wesker). (Выделяется только точка в пространстве, местоположение объекта).

3. And from one house on which the network of wires conjoined, came the even ticking of a telegraph apparatus (E.Poe). Monday you nail up the shutters on the house and get everything movable inside (W.Morris).

(Обращается внимание на плоскость крыши или стены дома).

1. In the market the flames burnt palely in the sunlight (Gr.Greenne).

(На рынке, т.е. на территории рынка, в н у т р и ограниченно-го пространства).

2. I wrote a poem while I was at the Market yesterday (J. London).

(На рынке, т.е. в той точке, части города, которая называется рынком).

3. Sunflower seed oil became the most popular edible oil on the Argentine market (W.Morris).

(На аргентинском рынке, т.е. на территории всей Аргентины).

Во всех примерах под номером один интенция говорящего состояла в том, чтобы выделить в объекте его объемную характеристику, замкнутость границ. В соответствии с интенцией в предложениях употреблен предлог in, выражающий понятие нахождения или включения в полностью или частично ограниченное пространство различных размеров в физическом или переносном смысле.

В примерах под номером два говорящий стремился представить объект как некую точку в пространстве, указать только на местоположение объекта. Поэтому в предложениях употреблен предлог at, выражающий понятие нахождения при объекте или на процесса или направленности действия на объект или его часть (для контакта), рассматриваемые как некая реальная или мыслимая точка приложения действия (объект мыслится как определенная точка, место нахождения в пространстве, пункт действия, точка соприкосновения, точка во времени, точка измерения, степень и т.д.).

В примерах под номером три акцент делается на плоскостной характер объекта. Эта пространственная характеристика подчеркивается предлогом on, который выражает понятие контакта действия с какой реальной или мыслимой поверхностью объекта.

Из примеров видно, что именно предложение сообщает, какая пространственная характеристика предмета подвергается воздействию, и не "геометрия объекта"¹ предсказывает появление предложения, а предлог представляет "геометрию объекта" в каком-то определенном ракурсе с помощью своего семантического ядра², как было показано выше. Вот почему предлог при всех трансформациях предложения в большинстве случаев не отделяется от существительного. В целом же употребление именно данного предлога зависит от цели высказывания, от коммуникативной интенции говорящего. Получается, следовательно, что ситуация, а не вещественное различие "самих существительных" (Будагов, 1946, с.160) диктует употребление предлога в исследуемой структуре. Так, Р.А.Будагов пишет, что "конструкция "на стуле" уже совсем исключает возможность параллельной формы "в стуле": само понятие стула (разрядка наша. — Г.Б.) делает невозможным это словосочетание. "В стуле", разумеется, можно обнаружить торчащий гвоздь, но человек оказывается сидящим только "на стуле", а никак не "в стуле". Очевидно, автору можно возразить. В жизни ситуация "сидеть в стуле" возможна — есть высокие детские стульчики, закрытые со всех сторон, чтобы оградить ребенка от падений. В такой ситуации возможна параллельная форма "в стульчике". Говоря так, мы обращаем внимание на объемную характеристику стульчика и не подчеркиваем его плоскостную часть. Или представим себе ситуацию, когда сидящего на стуле человека питают. Ему больно, он сжимается весь в комок, плотнее прижимается к стулу, как бы пытаясь спрятаться в нем ("в стуле"). Такая ситуация тоже вполне возможна, и для ее описания говорящему потребовался бы именно предлог "в", так как только он в данной ситуации полно отражает реальную картину и, таким образом, соответствует интенции говорящего. Мы употребляем "на стуле" не потому, что он плоский, а потому, что ставим перед собой цель описать обычное положение человека, сидящего на плоскости стула, а плоскостную характеристику объекта подчеркивает именно предлог "на". Таким образом, употребляя, например, параллельные формы "вертолет опустился на (в) воду", мы описываем две ситуации:

1. Когда вертолет опустился на поверхность воды, а не на поверхность земли.

¹ Термин "геометрии объекта" заимствован у Аранова (1961).

² Под семантическим ядром предлога понимается то, что составляет основу его значения и придает ему в различных конкретных случаях функционирования.

2. Когда вертолет вошел до известного уровня в воду.

Естественный язык способен описать бесконечное число ситуаций с помощью конечного числа слов, так как потенциальные возможности семантических систем исключительно велики. "Обычно предметом языкового описания служит ограниченный набор ситуаций, чем-то существенных для совместной деятельности людей. Но в относительно редких случаях, когда подобные ограничения не заданы, возможности языка реализуются в более широких масштабах, причем семантический аспект такого рода реализации заслуживает специального анализа (так, некогда были описаны конкретные классы ситуаций вероятность существования которых в то время оценивалась как близкая к нулю. В дальнейшем аналогичные ситуации были обнаружены в действительности)" (Брудный, 1972, с.5).

Все это, однако, не значит, что говорить можно как угодно и все варианты будут правильными (хотя в принципе это так, ибо если сказанное соответствует той мысли, которую нужно было передать, и реципиент понял ее, значит, оно было правильно (Леонтьев 1969б). Сравните нормативное употребление и употребление на арго в соответствующей сфере общения оба употребления правильны). В нашем случае имеются в виду только нормативные употребления. В силу того что жизненные ситуации накладывают известные ограничения на свободу употребления, в языке закрепляются только наиболее привычные сочетания, соответствующие также наиболее привычным ситуациям.

Из ассоциативных экспериментов (Кобзарева, Лахути, 1971) известно, что существует не только норма употребления, но и норма понимания, т.е. наиболее приемлемая с точки зрения информанта ситуация, которая, как правило, первой приходит на ум. Например, могут быть, по крайней мере, три ситуативные иллюстрации к предложению "Афиша на стене":

- 1) афиша лежит на торце стены;
- 2) афиша прикреплена к вертикальной поверхности стены;
- 3) афиша лежит на поваленной стене.

Из этих ситуаций вторая будет нормой понимания, так как она наиболее привычная и часто встречающаяся в жизни.

Таким образом, каждый носитель языка подсознательно отбирает семантические ядра, свойственные его языку. Ни один носитель русского языка не скажет "Он ходит босиком через пол", потому что языке есть ядро "двигаться по плоскости" — отсюда "ходить по полу, по двору, площади, улице" и т.д. Зато носитель английского

языка может произнести такое предложение "...oranges spilt out across the floor..." - "апельсины раскатились через пол", что является нормой для английского языка и совершенно неприемлемо для русского. Можно привести еще один пример. Употребление предлогов после глаголов и прилагательных у англичан и американцев часто различно. Подтверждением тому служит употребление англичанами союза *than* или предлога *so* со словом *different*, в то время как для американца только предлог *from* звучит правильно в сочетании с *different*. Логически можно найти оправдание (*justification*) для употребления всех трех слов; *than* подчеркивает сравнение (*comparison*), *so* - контраст (*contrast*) и *from* подчеркивает различие (*dissimilarity*). Это свидетельствует о том, что каждое слово становится действенным (*effective*) в сфере его употребления (*in its own locality*) (Bryant).

Очевидно, внутренние законы языка в случае с в о б о д н о г о употребления предлогов воздействуют на выбор того или иного предлога значительно меньше, чем экстралингвистические факторы и интенция говорящего. Например, употребление правильной флексии не з а в и с и т от интенции говорящего, ибо оно обусловлено внутренними законами языка и, следовательно, грамматическим стереотипом говорящего. Мы не скажем "большой стола", - это неверно с точки зрения внутренних законов языка. Однако любой слушающий поймет нас правильно, так как от неверного согласования коммуникативная интенция не изменилась (разве что прибавилось указание на то, что говорит иностранец).

Но если говорящий скажет "Съехал на крышу дома" вместо "Съехал с крыши дома", то слушающий будет просто представлять себе д р у г у ю ситуацию: человек перемещается с крыши более высокого здания (или с высокого дерева) на крышу менее высокого здания. Если говорящий скажет "Съехал в крышу дома", то слушающий, естественно, потребует дополнительных разъяснений для того, чтобы реально представить себе ситуацию.

Значит, неправильное употребление предлога влечет за собой неправильное понимание всей ситуации, что, соответственно, нарушает акт коммуникации. Это следует учесть при разработке методики обучения. Поскольку овладение предлогами требует понимания ситуации, их изучение должно строиться на с и т у а т и в н о й основе.

Чтобы избежать неправильных употреблений, необходимо точно знать, какова семантическая специфика каждого из предлогов, каково его семантическое ядро, которое помогло бы ориентироваться в

бесконечном множестве предложных переплетений, совпадений и кажущейся нелогичности в употреблении. Даже ребенок с первых шагов обучения русскому языку устанавливает логические отношения между понятиями и лишь на этой основе затем пробивает себе дорогу к объекту, связываясь с опытом. "Он с самого начала лучше осознает самое понятие, чем его предмет. Здесь осуществляется движение от понятия к вещи — от абстрактного к конкретному" (Давыдов, 1966, с.49).

Если при изучении предлогов, например, обучающимся не раскрывается их семантика, то получаемые знания носят "характер формальных абстракций" (Давыдов, 1968). Обучающиеся в таких случаях направляют свою деятельность на фиксацию в предлогах самого факта их различия и обособленности вместо того, чтобы направить силу мыслительной деятельности на улавливание и установление в семантике предлогов общего источника, генетической основы их различных конкретных проявлений. Поэтому при обучении употреблению предлогов необходимо помнить, что именно от того, как преподнесено слово в первые (при условии закрепления его в сознании), зависит соотношение его с понятием. Например, никто не думает о пушке, произнося фамилию величайшего русского поэта. Звуки, из которых состоит фамилия поэта, приобрели новое качество потому, что в сознании миллионов людей возникло новое автономное понятие, новый интегральный образ. И в зависимости от этого нового смысла и нового образа по-новому воспринимаем мы и звуки фамилии "Пушкин" (Маршак, 1964, с.132). А вот, например, в слове "соль", как бы ни были разнообразны его значения (за исключением "соль" — нота и "соль" — сорт морской рыбы), все они, несомненно, группируются вокруг одного словесного стержня — соли, необходимой составной части пищи и химического продукта. Именно это центральное осмысление слова определяет и все последующие его значения — конкретные и абстрактные, буквальные и фигуральные. От "соли" как существенной составной части пищи идут и все последующие его значения: то, что придает особый смысл, интерес, остроту чему-нибудь (например, разговору). Разговор без "соли" как бы уподобляется пище без соли и воспринимается как "пресный", бессодержательный (Будагов, 1947).

Из приведенных примеров ясно, что слово приобретает то значение, которым его наделяет общество. И это не было бы возможным, если бы значение слова было только его интегральной частью (If the value were in h e r e n t in the word) /Roberts, 1964, p. 60/.

В самом деле, всякое значение первоначально связано с предметной ситуацией (Ахманова, 1957), и на содержание слова оказывают влияние (и, вероятно, в конечном счете решающее) экстралингвистические факторы (Коробейников, 1960).

Очевидно, чтобы сформировать правильное представление о семантике и сфере употребления предлогов, необходимо прежде всего определить его смысловую основу (его семантическое ядро), так как от того, насколько полно мы раскрываем смысловую сторону явлений, их общее значение, объединяющее все слова данной родовой категории, зависит успешность и прочность усвоения иноязычной лексики (Беляев, 1964).

Однако семантические ядра предлогов еще сами по себе не представляют системы до тех пор, пока они не увязаны с соответствующей им ситуацией употребления, поскольку только целостная ситуация служит сигналом к употреблению предлога. Другими словами, только коммуникативный подход к обучению может обеспечить овладение предлогами на уровне речи.

ЛИТЕРАТУРА

А х м а н о в а О. С. О психолингвистике. М., 1957.

А р а п о в М. В. Структура словосочетания и проблема главного употребления в русском языке. М., 1968.

Б а р х у д а р о в Л. С. О двух типах синтаксической связи слов в предложении. — "Иностранные языки в школе", 1967, № 4.

Б е л я е в Б. В. Психологические основы усвоения лексики иностранного языка. М., 1964.

Б ж а л а в а И. Т. Психология установки и кибернетика. М. 1966.

Б р у д н ы й А. А. Некоторые философские проблемы теории общения. — В кн.: Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972.

Б у д а г о в Р. А. Семантика слова и структура предложения. "Учен. зап. Ростовск. ун-та", 1946, вып. 10.

Б у д а г о в Р. А. Слово и его значение. М., 1947.

Д а в ы д о в В. В. Проблема обобщения в трудах Л. С. Выготского. — "Вопросы психологии", 1966, № 6.

Д а в ы д о в В. В. К проблеме соотношения абстрактных и конкретных знаний в обучении. — "Вопросы психологии", 1968, № 6.

И г а д л о В. Н. Роль предлогов в синтаксических кон-
струкциях английского языка. - "Иностранные языки в школе", 1949,
№ 1.

К о б з а р е в а Т. Ю., Л а х у т и Л. Г. О структуре
денотативного значения предлогов. - В сб.: Семантическая струк-
тура слова. М., 1971.

К о р о б е й н и к о в В. С. Анализ содержания массовой
коммуникации. - "Вопросы философии", 1969, № 4.

К о с с е к с Н. В. Предложные словосочетания с глаголом в
болгарском языке. Автореферат канд. дис. Л., 1967.

Л е о н т ь е в А. А. О речевой ситуации и принципе рече-
вых действий. - "Русский язык за рубежом", 1968, № 2.

Л е о н т ь е в А. А. Психолингвистические единицы и тео-
рия порождения речевого высказывания. М., 1969а.

Л е о н т ь е в А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.,
1969б.

М а р ш а к С. Я. Воспитание словом. М., 1964.

П и о т р о в с к и й Р. Г. Информационные измерения язы-
ка. Л., 1968.

С э п и р Э. Язык. М., 1933.

Ф р е н ч Ф. Преподавание английского языка за рубежом. -
В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом. М.,
1967.

B r y a n t M. M. English in the Law Courts (the Part that
Articles, Prepositions and Conjunctions Play in Legal Decisions).
N.Y., 1930.

R o b e r t s o n S., C a s s i d y F. V. Changing Mean-
ing and Values of Words. "Essays on Language and Usage". N.Y.,
1963.

Smith S.S. The Command of Words. N.Y., 1963.

Т Е К С Т Ы

B r a i n e J. Room at the Top. Moscow, 1961.

G r e e n e G r. The Quiet American. Moscow, 1959.

J e r o m e J. Three Men in a Boat. Moscow, 1963.

L o n d o n J. Martin Eden. Moscow, 1956.

M a n s f i e l d K. The Wind Blows. N.Y., 1969.

M a u g h a m S. Rain. Moscow, 1963.

M o r r i s W. The Pilgrims of Hope. N.Y., 1969.

P o e E. Diddling Considered as One of the Exact Sciences.
N.Y., 1966.

S a r o y a n W. Prelude to an American Symphony. N.Y., 1969.
W a t h e r h o u s e K. Billy Liar. Moscow, 1966.
W e s k e r A. Roots. Moscow, 1966.

Е.Д. Педаш

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РОМАНА Р.ОЛДИНГТОНА "СМЕРТЬ ГЕРОЯ"

В общей характеристике индивидуально-художественного стиля писателя большую смысловую и выразительную роль может играть выбор слов. Это значит, что слова в предложении должны подбираться с учетом соответствующей смысловой и стилистической сочетаемости. Лексическая сочетаемость определяется семантикой слов, их принадлежностью к тому или иному стилю речи, их экспрессивно-эмоциональной окраской, грамматическими особенностями. Большинство слов, составляющих лексику языка, стилистически нейтральны. Они могут быть использованы в любом стиле речи. Что касается слов с той или иной стилистической окраской, относящей их к определенному стилю речи, то при их употреблении, как правило, соблюдаются условия одностильности. Это не значит, однако, что слова различных стилистических пластов не могут оказаться в одном контексте.

В данной статье на основе стилистического анализа романа Р.Олдингтона "Смерть героя" (R.Aldington. "Death of a Hero". Moscow, 1958) рассматриваются вопросы взаимодействия стилистически окрашенных слов с контекстом.

Стилистически окрашенные слова особенно выделяются на фоне нейтральной лексики и получают соответствующие характеристики: "литературно-книжные" (слова "высокого" стилистического тона) и "разговорные" (слова "сниженного" стилистического тона).

Характерным признаком стиля "Смерть героя" является экспрессивность. Она возникает на основе резкого сочетания контрастов: контрастные картины, возникающие на страницах романа, контрастные персонажи, настроения, контрастные и формы выражения. Следовательно, вполне закономерно использование писателем лексики, принадлежащей к различным пластам, ибо оно оправдывается содержанием, оттеняет его творческому замыслу.

Например, сообщая об отношении своего героя к смерти, Олдингтон

тот использует разностильную лексику, которая создает эффект мягкой иронии.

Winterbourne had rather hoped he would be killed, and knew that his premature demise in the middle twenties would be borne with easy stoicism by those who survived him /p.26/.

В других случаях употребление книжных слов в нейтральном контексте помогает создать комический эффект.

Mr. Upjohn was evidently a very clean man, at least in those portions of his body exposed to the public gaze /p.131/.

Разговорные слова, бытовая фразеология (т.е. слова "сниженного" стилистического тона) на фоне нейтральной лексики оживляют повествование.

В приводимом ниже примере автор как бы сливается со своим героем; этому способствует выбор лексики, характерной для речи персонажей, а не для авторского повествования.

But by November, 18 poor old George was whacked, whacked to the wide. He was a bit off his head, ... he had lived on his nerves, and when I saw him at the Divisional Rest Camp in October, 18 he struck me as a man who was done for, used up. He ought to have gone to the Brigadier and got sent down for a bit (p.39).

Или другой пример, когда выбор слов точно передает состояние Элизабет, решившей, что она беременна. В авторском повествовании мы слышим ее голос.

But in 1914 something went wrong with Elizabeth's period and she thought she was going to have a baby. And then, my hat, what a pothor! Elizabeth lost her head entirely. Freud and Ellis went to the devil in a twinkling... Well, she went at George in a way which threw him on his beam-ends (p.41).

Слова "сниженного" стилистического тона в нейтральном контексте могут вызывать общее стилистическое снижение высказывания. Это прежде всего слова с фамильярной окраской.

Так, королева Великобритании фамильярно названа уменьшительным именем "Good Queen Vicky", английский государственный деятель Дизраэли - "Dizzy", известный английский писатель Стивенсон удостоен лишь инициалов R.L.S., Джордж Уинтерборн наделен такими эпитетами и метафорами, как an ass, a filthy, little sneak, poor old bag of decaying bones. М-р Бобб - a something lousy ere, a little snipe, a little cheese worm. Джордж Орест - a dull dog, a born sucker, a thumb - twiddler, a zero of no value.

В своем романе Олдингтон в основном придерживается общепотребительной лексики. И если мы встречаем на страницах романа архаизмы, то они, являясь средством создания юмористического эффекта, служат исключительно целям иронии.

Обычно подобный эффект достигается использованием архаизмов на фоне бытовой или сниженной лексики.

Rummy old England. Pox on you, you old bitch, you've made worm's meat of us. (We've made worm's meat of ourselves). But still, let me look upon thee. Timon knew thee (p.54).

So he prayed earnestly for Guidance, and all the way from the South Coast to Sheffield urged Isabel to remember that they must be a loving and united family, that they had 'Luv' but must acquire Forbearance. I don't wish - Heaven forfend! - that I had been in Isabel's place (p.72).

Кажется, сам контекст второго примера оправдывает обаятельное вкрапление Heaven forfend!(опаси бога!).

Использование архаизмов в повсеместной речи в определенных кругах Англии стало почти условным признаком циничного безразличия, неуважения к старым традициям. Подтверждение этому мы находим на страницах романа Олдингтона. В стилизованной и нарочито небрежной речи м-ра Анджона, когда он предлагает Джорджу "взять в оборот толстяка Шобба", чтобы тот заказал ему статью о нем, а вот что писать:

"We should go to the Zoo more often, and watch the monkeys", говорит Анджон. "... And the perpetual chatter of the small monkeys - how like ourselves! What ecstatic clicking about nothing! Go to the ape, thou poet!" (p.124).

В речи автора:

Among the things Isabel did not know were... how to produce the soft answer which turneth away wrath... (p.64).

O Timon, Timon, had I thy rhetoric! (p.65).

The change wrought in Elizabeth's outlook in a few days was amazing. (p.211).

В стилистическом плане представляет интерес выявление условий и целесообразности использования иностранных слов. В романе мы встречаем примеры использования иностранных слов шести языков: французского, латинского, итальянского, греческого, немецкого, испанского.

Так, повествуя о романтической дружбе, которая во Франции была крепче, чем в Англии, Олдингтон вводит одно французское слово 'estardinet' (кабачок, парижское кафе) и тем самым добивается создания "местного колорита".

В какой-то степени это слово служит и средством косвенной речевой характеристики.

They'd go on fatigues and patrols together, march behind each other on trench reliefs, booze at the same estaminet, and show each other the 'photos' of 'Ma' and 'my tart' (p.47).

Средством косвенной речевой характеристики м-ра Апджона служат иностранные слова в авторском повествовании.

But Mr. Upjohn delivered his obiter dicta with so much aplomb that a boy of twenty might be excused for failing to see their complete absurdity (p.133).

obiter dicta (лат.) - случайные замечания.

Французское слово в речи автора косвенно характеризует речь Фанни.

Not that she wanted to 'take George away' from his mistress. Oh! not at all. Fanny did not want him as a permanence - Elizabeth was welcome to that. But she felt, he might do excellently as a locum tenens... (p.207):

(permanence (фр.) - нечто постоянное

locum tenens (лат.) - временный заместитель

Номинативную и стилистическую функцию выразительного контраста выполняют слова из начальных строк гимнов воевавших держав: Франции, Германии, Англии. Произносите их Джордж в одном из разрушенных домов поселка.

He stood, with his head bent, looking at this pathetic debris of ruined lives... 'La Gloire', he murmured, 'Deutschland über alles, God save the King' (p.330).

Ярко характеризует как миссис Уинтерборн - старуху, так и Элизабет описание их перебранных по поводу жалкого "наследства" Джорджа. Миссис Уинтерборн обрадовалась случаю выкапывать Элизабет все, что о ней думало,

- which, if believed, meant that poor Elizabeth was a composition of Catherine of Russia, Lucretia Borgia, Mme de Brinvilliers, Moll Flanders, a tricoloured, and a missing child from the Surrey side (p.37).

Наряду с именами исторических личностей и литературных персонажей, которые, будучи употреблены нарицательно по отношению к Элизабет, разоблачают ее пороки (Екатерина II имела многочисленных фаворитов, герцогиня Феррарская славилась своими пороками и преступлениями, мадам де Бренвиллье - оравительница, обесчлаженная в 1776 г., Моль Фландерс, героиня оравительного романа Дюваль "Моль Фландерс" (прохладная женщина и воровка), писателька являет иностранное слово

во того же семантического плана *tricoteuse* (фр.) - вязальщица ("вязальщицы" - участницы французской буржуазной революции XVIII века, тенденциозно изображаемые как кровожадные "фурии гильотины").

Аналогичную, экспрессивную функцию несет слово *émigrés* - эмигрировавшая аристократия^I. Так образно называет автор родителей Джорджа.

To me ... they seemed as fantastic, as ridiculous, as prehistoric as the returning *émigrés* seemed to Paris in 1815. Like the Bourbons, the elder Winterbournes learned nothing from the war, and forgot nothing (p.38).

Иногда Олдингтон прибегает к иностранным словам, чтобы создать впечатление речи на иностранном языке. В данном случае речь идет о "Bulletin des Ecrivains" - "Бюллетене писателей", содержавшем список убитых и раненых французских литераторов и художников и вести о тех, кто на фронте.

A passage had been marked in blue pencil - it contained the somewhat belated news that M. Georges Winterbourne, le jeune peintre anglais, was in camp in England (p.339).

Вполне оправданы латинские слова в молитве м-ра Уинтерборна ... mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa, Ave Maria (p.31) (я грешен, я грешен, великий я грешник), ибо это форма покаяния у католиков.

Оправдана аббревиатура R.I.P. библейской фразы Requiescat in pace (лат.) - мир праху твоему, да почиет в мире (p.330).

Или другое латинское изречение *Nic incipit vita nova*. Следующей фразой Олдингтон раскрывает его. Thus was George, young George, generated (p.57).

Именно такое использование иностранных слов является стилистически оправданным.

Однако вряд ли можно считать целесообразным то обилие французских и латинских слов в авторском повествовании, для которых существуют равносильные английские слова. Из французского языка: *au fond* (в сущности), *tant bien que mal* (кое-как), *a peu pres* (почти), *au contraire* (наоборот), *en passant* (мимоходом, между прочим). Из латинского: *viz = videlicet* (а именно), *vide* (смотри), *et al.* (и т.д., т.п.), *ipso facto* (тем самым), *in esse* (по существу), *cum* (с, вместе).

^I Имеется в виду реставрация династии Бурбонов, низвергнутой французской буржуазной революцией XVIII века. Вместе с Бурбонами в период Реставрации во Францию вернулась эмигрировавшая аристократия - *émigrés*. Бурбоны не извлекли урока из революции, поэтому и проводили реакционную и контрреволюционную политику.

Или единичные примеры слов и фраз из греческого (*hubris* — распушенность, безразличность).

One might think that happiness was 'hubris', the excess which calls down the vengeance of Fate (p.205).

Из итальянского (*in petto* — в душе).

Reserving in petto a denunciation of the guiltstricken and consternated father and son in the matter of their deception over the £ 200, she directed a skilful enfilade fire on the disarmed Isabel (p.69).

Не являются ли они демонстрацией эрудиции писателя, о чем он сам заявляет, процитировав из речи Бонапарта и указав место, где были произнесены эти слова.

J'aurais pu mourir; rien ne m'eût été plus facile. J'ai encore à écrire ce que nous avons fait... (Bonaparte à Fontainebleau — admirez l'érudition de l'auteur) (p.173).

Предполагая определить жанровый облик своего романа, Олдингтон назвал его романом-джазом (*jazz-novel*), и не без основания. В нем нет плавного повествования. События предстают перед читателем в хронологически обратном порядке. Дополнительным штрихом является использование автором слов музыкальной терминологии: каждая часть романа обозначена музыкальным термином, определяющим ее темп: пролог — *allegretto* — не очень быстро;

часть I — *vivace* — стремительно, бравурно;

часть II — *andante cantabile* — медленно, певуче;

часть III — *adagio* — медленно, спокойно.

Неоднократно автор использует музыкальную терминологию и на страницах романа. Наиболее интересной в этом отношении является картина артиллерийского боя, ужасающего зрелища, не передаваемого словами, тем более музыкальными терминами.

Трудно представить, чтобы такие слова, как *symphony, rhythmic harmony, drums, jazz, a ride of the Valkyrie, motif, vibrations*, могли передать артиллерийскую канонаду. И только благодаря умелому отбору слов и словосочетаний, виртуозной образности, автор мастерски передал всю силу и мощь разрушительных орудий.

The whole thing was indescribable — a terrific spectacle, a stupendous symphony of sound. The devil — artist who had staged it was a master, in comparison with whom all other artists of the sublime and terrible were babies. The roar of the guns was beyond clamour — it was an immense rhythmic harmony, a super-jazz of tremendous drums, a ride of the Valkyrie played by three thousand

cannon. The intense rattle of the machine-guns played a minor motif of terror (p.342).

Эмоционально воздействует на читателя метафоричное употребление лингвистической терминологии. Здесь выступает Олдингтон - поэт.

On foggy nights the prolonged anapaest of the Foreland Light-ship foghorn answered the hoarse spondee of the passing ships groping their way up Channel (p.116).

Пытаясь "решить трудную задачу": какая же чета из трех прожила жизнь лучше, счастливее, Олдингтон прибегает к математической терминологии, которая служит средством создания комического эффекта.

The problem may be stated thus: Let X equal the ménage dear Mamma - dear Papa, or a typical couple of the 'seventies and 'eighties.

And let Y equal the ménage George Augustus and Isabel, or a typical couple of the 'nineties and 'noughts.

And further, let Z equal Elizabeth and George, or a typical young pair of the Georgian or European War epoch. Then it remains to be proved whether Z is equal to, or greater than, or less than X and/ or Y.

A pretty theorem, not to be solved mathematically- too many unknown quantities involved (p.171).

Иронизируя над переменой, происшедшей в Элизабет с момента ее ложной беременности, Олдингтон использует военную терминологию.

But perhaps the most amazing circumstance in this peculiar episode was the speed with which Elizabeth once more evacuated the old familiar Hindenburg line, and reoccupied the most advanced positions of Sexual Freedom (p.214).

Среди разнообразных лингвистических средств, которые Олдингтон применяет для выражения иронии, мы находим меткие неологизмы. Особенно выразительны неологизмы, образованные способом словосложения.

Иронической характеристикой отмечен образ викторианской Англии. В сжатой форме Олдингтон рассказывает об Англии, "окутанной туманами благодушия, лицемерия и дешевки", обо всем том, что как будто отошло в прошлое и в то же время так близко.

The wealth of that England, the maritime power of that England, its worse than R.L.S. optimism, its righteous cant! Visto

ria, broad-bottomed on her people's will; the possessing class heavy-bottomed on the people's neck (p.53).

Неологизмы, образованные путем конверсии и деривации, служат средством усиления иронического и сатирического эффекта. В их основе — поиски лаконичной и емкой формы создания образа.

It was delicious to be clean and de-loused again (p.312) — звучит голос Джорджа в авторском повествовании.

Или другой пример, в котором Олдингтон обличает лживую мораль:

Elizabeth became inordinately proud of being no longer a virgin. You might have thought she was the only devirginated young woman in London (p.191).

Суффикс — dom приобретает новое значение в слове Tommydom (абстрактное существительное, образованное от слова Tommy — английский солдат). Здесь оно означает "худшие стороны солдатчины".

George had degenerated terribly since joining the army, and there was no knowing to what preposterous depths of Tommydom he might fall (p.248).

Аналогично образованы абстрактные существительные Navydom, Armydom.

...the Empire was symbolised by the King-Emperor; and the King — poor man! — is always having to dress up as an Admiral or a Field-marshal or a brass-hat of some kind. Navydom and Armydom thereby acquired a mystic importance (p.350).

Рассматриваемое в данной статье взаимодействие стилистически окрашенных слов с контекстом является лишь частью широкого круга лингвистических средств, используемых автором романа "Смерть героя". Сила изложения очень выигрывает от точного соответствия уровня речи сюжету и стилю повествования. Живости и разнообразию способствует частая смена речевых уровней. Литературная речь перемежается с разговорной и даже с фамильярно-разговорной.

В.К.Плешко

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКАХ

Как известно, грамматический строй каждого языка характеризуется рядом особенностей, сложившихся в процессе его длительного

го развития. Некоторые из этих особенностей свойственны не только одному какому-то языку, но и языкам, не находящимся в близком родстве.

Так, несмотря на принадлежность английского языка к группе германских языков, а молдавского — к романской группе, в обоих встречаются случаи аналогии как в образовании аналитических форм, так и в ряде других средств выражения грамматических значений.

При обучении иностранному языку определенную роль играет сравнительно-сопоставительный метод, применение которого при объяснении грамматического материала способствует выявлению сходств и различий между родным и иностранным языками, а также более глубокому пониманию грамматического строя изучаемого языка.

Изучение средств выражения модальности в обоих языках представляет определенный интерес. При этом следует отметить, что английский и молдавский языки характеризуются одинаковыми средствами выражения модальности, которые, однако, изучены не в одинаковой степени. К ним относятся: грамматические средства (модальные глаголы и категория наклонения), лексические средства (модальные слова), фонетические средства (интонация).

Остановимся кратко на лексико-грамматических средствах выражения модальности. Модальные слова в английском языке (*possibly, surely, perhaps*) изучены довольно глубоко, они классифицированы, определены их морфологические и синтаксические функции. В грамматике молдавского языка модальные слова не выделены в отдельную морфологическую группу, и слова с модальным значением *пробабил*, *"посибил"*, *"фэре ындоаялэ"* и другие включены в состав наречий или же встречаются в составе частиц, как, например, слово *"проате"*.

Сопоставление всех форм наклонения в обоих языках — вопрос слишком обширный, так как данная грамматическая категория представлена и в молдавском языке очень сложной системой форм. Остановимся лишь на тех формах, при помощи которых выражаются оттенки возможности, предположения о совершении действия. Эти оттенки модальности могут быть переданы в английском и молдавском языках с помощью как модальных слов, так и модальных глаголов:

Probably, they are approaching their destination.

Пробабил, ей се апропие де дестинация.

They must be approaching their destination.

Ей требуе се се апропие де дестинация.

Однако оттенок вероятности, сомнения при предстоящем действии основного глагола передается более точно при помощи формы мол-

давского наклонения "презумптив" (потенциал, прецунетор).

Ей (в)ор фи ажунгид ла дестинацие.

Когда же действие основного глагола относится к прошедшему времени, английское сочетание модального глагола с перфектным инфинитивом можно перевести с помощью формы прошедшего времени этого же наклонения, т.е. "презумптив-трекут".

She must have grown old waiting for his return.

(Еа) о фи ымботрынит, аштептынду-л.

Анализ целого ряда примеров показал, что действие, носящее оттенок сомнения, можно передать на молдавском языке также и с помощью формы наклонения "конъюнктив-трекут".

Сь-л фи пус ынтребаря мя ын недумерире?

Could my question have taken him aback?

Остановимся более подробно на особенностях употребления модальных глаголов в английском и молдавском языках. Как известно, это слова особого типа в языке, и их относят к модальным глаголам по морфологическим и семантическим признакам. В английском языке эти глаголы четко выделены в отдельную группу численности в 8-10 глаголов на основании морфологических признаков, отличающих их от остальной массы глаголов, а также самостоятельных лексических значений, приближающих их к категории модальности. В молдавском же языке эти глаголы не представлены отдельной группой, поскольку по своим морфологическим и синтаксическим свойствам они мало отличаются от других глаголов. Они рассматриваются лишь как компоненты составного сказуемого. Своеобразие лексических значений модальных глаголов в обоих языках состоит в передаче ими различных оттенков модальности, выражающих не само действие, а отношение к действию. Как в английском, так и в молдавском языке, эти глаголы выполняют в предложении одну и ту же синтаксическую функцию — функцию служебной части составного модального сказуемого.

Интересно отметить, что соответствующие по значению глаголам can и must глаголы "а путя" и "а требу" могут также употребляться и как самостоятельные глаголы, что невозможно в английском языке:

Ел фаче тотул, даке требуе.

Чине поате мулт, поате ши пущин.

Однако глагол "требуе" в самостоятельном значении соответствует не английскому must, а глаголу need, употребленному также как самостоятельный глагол:

Мнь требуе ажутор. — I need help.

В соответствии с синтаксической функцией, которую выполняют модальные глаголы в обоих языках, их можно называть полусопомогательными ("семиауксилиаре").

Модальные глаголы, вступая в сочетание с инфинитивом в английском языке и с конъюнктивом или супином (реже инфинитивом) в молдавском языке при образовании составных сказуемых, подвергаются "процессу грамматизации, как и всякие другие связочные глаголы" (Ярцева, 1961, с.131). Однако при этом они не утрачивают своего лексического значения полностью благодаря тому, что сама семантика модальных глаголов приближает их к категории модальности. Говоря о грамматизации модальных глаголов, Е.А.Кривенинникова (1958) подчеркивает, таким образом, существование в языке сложной диалектической связи между лексикой и грамматикой.

Известно, что под грамматизацией модальных глаголов подразумевается приобретение ими значений, близких к грамматическим категориям времени, залога, наклонения и т.д. В большей мере эти значения характеризуют модальные глаголы в молдавском языке и в меньшей мере в английском.

Eu пот са вин. - I can come.

Tu поць са вий. - You can come.

Ной путем са веним. - We can come.

Eu путям са вин. - I could come.

Ной вом путя са веним. - We'll be able to come.

Здесь формы глагола "а путя" выражают грамматические категории лица, числа, времени. В английском же языке глагол can может выражать только прошедшее время формой could, но не может выражать категории лица и числа, не имеет формы будущего времени.

Как для английского, так и для молдавского языка характерно явление десемантизации модальных глаголов и их превращение во вспомогательные. Примером этого явления в английском языке могут служить глаголы shall и will, превратившиеся из модальных во вспомогательные для будущего времени, а should и would - для сослагательного наклонения. В молдавском языке это явление наблюдается у глаголов "а авя" (лат. habēre) и "а вои", "а вря" (лат. velle, нар.лат. volēre). Еще в латинском языке глаголы habēre и velle(volēre) в сочетании с инфинитивом выражали модальные оттенки. Пройдя длительный процесс десемантизации и грамматикализации, эти глаголы стали вспомогательными в аналитических формах, выражающих будущее время: вои а кынта, ам о кынта, которые употреблялись параллельно с формой инфинитива конъюнктивом и привели к полной утрате модальных значений данных инфинитивных сочетаний. Например:

М'ау нитребат, кынд ай сә те дучь аколо.

М'ау нитребат, кынд те веи дуче аколо.

I was asked when you would go there.

Однако, если "а авя" как модальный глагол имеет формы различных грамматических категорий (ам сә вин, авям сә вин и т.д.), что также характерно для глагола to be, "а авя" как вспомогательный глагол при образовании будущего времени может стоять только в форме настоящего времени: оу ам сә вин, ту ай сә вий, ал аре сә винз и т.д.

Представляет интерес сопоставление предложений I am to prepare a report и "Еу ам де прегәтит ун рапорт". Действие, выраженное модальными глаголами to be и "а авя", имеет, несомненно, оттенок будущего, хотя сочетание to be с инфинитивом не является формой будущего времени. Эквивалент данного модального глагольного сочетания в молдавском языке не только носит оттенок будущего но и идентичен с аналитической формой будущего времени "ам сә прегәтеск", в которой глагол "а авя" является чисто вспомогательным и которая несет в себе более богатый стилистический эффект, чем форма "вой прегәти".

В современном английском и молдавском языках встречаются глагольные сочетания типа "а авя"(to have) + инфинитив, передающие модальный оттенок необходимости совершения действия. Например:

А доуа зи Андрей авя а се дуче де редакция нумай дуче амя-зе (А.Козмеску).

Steve had to leave that morning (Gordon).

Однако оттенок необходимости, передаваемый этими глаголами, различен, а именно: "а авя + инфинитив" выражает неизбежную необходимость, "to have + инфинитив" - вынужденную необходимость.

Средством перевода английского сочетания modal verb + semi-pluon infinitive на молдавский язык может служить форма "вой (я + герундий)", которая в древнемолдавском являлась одной из пяти форм будущего времени и которая, утратив оттенок будущего, сохранилась в языке с модальным оттенком предположения. Например:

They must be discussing an urgent problem.

Еи (в)ор фи дискутыңи о проблемә ургентә.

Что касается перечня модальных глаголов в обоих языках, следует заметить, что, если в английском языке к этой группе глаголов относят только глаголы с модальным оттенком, в молдавском языке, поскольку такая группа морфологически не выделена, к ней относят

гательным глаголам модальных сказуемых относят не только глаголы, но и целый ряд глагольных сочетаний с модальным оттенком.

В процессе сопоставления модальных глаголов обоих языков следует обратить внимание на их сочетаемость с определенными формами смыслового глагола. В английском языке, как известно, этой формой может быть инфинитив. В молдавском же языке все более употребителен конъюнктив (сэ фак, сэ вениць), который в сочетании с модальным глаголом признается нормой литературного стиля. Сочетания же с инфинитивом относят к архаическим (eu пот а фаче ачаста).

ВЫВОДЫ

1. Модальные глаголы в английском и молдавском языках резко различаются по своим морфологическим признакам.

2. Являясь полувспомогательными компонентами составного глагольного сказуемого, модальные глаголы в английском языке сочетаются только с инфинитивом смыслового глагола; в молдавском языке формами основного глагола могут быть конъюнктив, суфин, причастие и, очень редко, инфинитив.

3. Для обоих языков характерен процесс грамматикализации модальных глаголов.

4. В обоих языках имеются глаголы, которые, являясь основными, в сочетании с инфинитивом (в английском языке) или с конъюнктивом (в молдавском языке) придают сказуемому модальный оттенок: to have (а авя); to be (а фи), to need (а требуи).

5. Модальные сочетания могут передавать оттенок будущего времени в обоих языках.

6. Состав модальных глаголов вместе с их эквивалентами более широк в молдавском языке.

7. В обоих языках классификация модальных глаголов основана на их модальных оттенках.

ЛИТЕРАТУРА

К р а ш е н и н н и к о в а Е. А. Модальные глаголы и частицы в немецком языке. М., 1958.

Д р ц е в а В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.-Л., 1961.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С КОСВЕННЫМ ВОПРОСОМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Сложноподчиненное предложение, являясь наименее разработанным разделом английского синтаксиса, привлекает внимание исследователей. Но односторонний подход к изучению этой языковой единицы является причиной того, что проблемы сложноподчиненного предложения далеко не полностью решены. До сих пор, например, нет единого мнения в вопросе о природе и соотношении частей сложноподчиненного предложения, в вопросе о классификации придаточных предложений.

В.Я. Плоткин (1969, с.16) указывает на недостаточность существующих классификаций сложноподчиненных предложений по функциональному и коммуникативному признакам, а также по характеру связующего элемента и предлагает выделить четыре структурно-семантических типа придаточных предложений: определительные, обстоятельственные, именные, изъяснительные, в том числе косвенную речь. Последний, четвертый тип подразделяется на придаточные косвенно-повествовательные и косвенно-вопросительные.

В задачу настоящей работы входит исследование сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными косвенно-вопросительными. Как известно, они содержат либо общий вопрос (вводятся союзами *whether, if*), либо специальный (вводятся союзами словами *what, where, when, why, which, who, how*). Например:

Whether the art of scandal-mongering has suffered by this new social activity is hard to say (Aldington, p.137).

I asked what they were going to do with their captain (Nordhoff and Hall, p.287).

Как видим, косвенно-вопросительная придаточная часть может выполнять разные функции. Так, придаточная часть, взятая из сложноподчиненного предложения *He wondered whether he could write a poem to express his idea* (The Essential, p.40), где она выступает в роли дополнения, может, сохраняя свою структуру и семантику, выполнять также иные функции: подлежащего (*Whether he could write a poem to express his idea was a question to him*), предикатива (*The question was whether he could write a poem to express his idea*), определения (*He could not answer the question whether he could write a poem to express his idea*).

Функциональная классификация разъединяет подобные придаточные части, тем самым препятствуя их всестороннему изучению.

В настоящей статье рассматриваются сложноподчиненные предложения с косвенно-вопросительными частями в различных синтаксических функциях. Они объединяются по семантическому признаку (выражение косвенного вопроса) и по структурным признакам (союзы в общевопросительных придаточных, союзные слова в специально-вопросительных придаточных).

2. Поскольку косвенный вопрос является представителем общей категории вопросительности, которая в традиционной лингвистической литературе трактуется довольно узко, необходимо коснуться природы вопроса вообще.

Вопрос как логическая категория и вопросительное предложение как лингвистическая категория должны изучаться в неразрывном единстве. "Без исследования логической сущности и структуры вопросов невозможны как лингвистический анализ вопросительных предложений, так и их классификация" (Лимантов, 1971, с.5). Однако вопрос как логическая категория, как категория познавательной деятельности существенно отличается от лингвистической категории вопросительного предложения; он "представляет собой форму движения мысли, в нем ярко выражен момент перехода от незнания к знанию, от неполного, неточного знания к более полному и более точному" (Лимантов, с.2).

Категория вопросительности получает разные отражения в языке, средства которого охватывают отдельные звенья, стадии, аспекты вопросительного процесса. Познание — длительный акт, которому предшествуют подготавливающие его мыслительные акты и за которыми следуют другие, завершающие его мыслительные акты. Это цепь непосредственно или опосредованно связанных между собой мыслительных операций, которые могут быть выражены (или не выражены) языковыми средствами. Этот процесс мы назовем вопросительным. Он включает в себя осознание незнания, поиск информации, получение информации и фиксацию познанным субъектом полученных знаний. Вопросительное предложение отражает один из этапов вопросительного процесса, а именно обращение к собеседнику. Это, несомненно, важный, фокусирующий в себе все другие, но не единственный этап вопросительного процесса. "Вопрос — это особый случай вопросительности, но не единственный" (Huddleston, 1971, p.40-41).

Субъект вопросительного процесса предваряет свой вопрос предложениями, отражающими подготовительные этапы к вопросу: чувственное восприятие (I see that you are holding something before you

eyes), умозаключение (I think that you are reading something), желание ликвидировать пробел в знаниях (I want to know what you are reading), обращение к собеседнику с целью получения интересующей информации (I should like you to tell me what you are reading), и если спрашивающий, задавая вопрос (What are you reading?), не произнес вслух этих высказываний, то это не значит, что подобных суждений у него не было. Спрашивающий мог просто ограничиться внутренней речью, а суждения могут быть имплицитными и эксплицитными.

Таким образом, вопрос – это производное от суждения. Вопросу всегда предшествует суждение, которое необязательно получает языковое выражение.

С получением ответа или с устранением неопределенности суждения познающего субъекта продолжают отражать последующие этапы вопросительного процесса: фиксацию получения знаний (You have told me what you are reading; I have found out what you are reading), фиксацию самих знаний (I know what you are reading; Now I know that you are reading a book). Следовательно, вопрос охватывает лишь участок, звено в мыслительном процессе, направленном на уяснение неизвестного, т.е. на заполнение лакуны в знаниях познающего субъекта. Поэтому вопрос следует изучать и рассматривать именно как звено в цепи речевых единиц, отражающее предшествующие и последующие мыслительные акты.

3. Выяснив природу вопроса как логической категории и его место в вопросительном процессе, можно перейти к проблеме косвенного вопроса.

Традиционная грамматика признает канонической формой косвенного вопроса в сложноподчиненном предложении придаточную часть, вводимую союзами *whether, if* или союзными словами *what, where, when, why, who, which, how* и служащую дополнением к глаголу *to ask* или его синониму *to inquire* (Каушанская и др., 1967, с.307; Ganshina, Vasilievskaya, 1964, p.410). Иными словами, косвенным считается лишь такой вопрос, который содержит в себе пересказ прямого вопроса. При таком подходе сложноподчиненное предложение наподобие *The servant came in to ask where they would have tea* (Lawrence, p.313) неправомерно отрывается от множества сложноподчиненных предложений с придаточной частью совершенно такой же семантики и структуры, которая выполняет, однако, либо функции дополнения не к глаголам *to ask* или *to inquire*, либо иные функции.

Так, например, традиционная грамматика не усматривает косвенного вопроса в сложноподчиненных предложениях *He wondered where they would have tea; He did not know where they would have tea; They refused to tell him where they would have tea* (придаточные части – дополнения к иным глаголам, нежели *to ask, to inquire*); *The question where they would have tea remained unanswered* (придаточная часть – определение); *Where they would have tea remained a mystery to him* (придаточная часть – подлежащее).

Одинаковость структуры и семантики данных предложений заставляет нас искать то общее, что, несомненно, объединяет сложноподчиненные предложения с подобными придаточными частями. Различными оказываются только их главные части. Но так как главные части подчиняют себе совершенно одинаковые придаточные части, то, очевидно, они также обладают некоторыми общими чертами, которые должны быть предметом изучения. Если удастся обнаружить подобные общие черты, то главные части также можно будет объединить в один общий тип.

4. Главная часть может выражать, разумеется, обращение к собеседнику с целью заполнения пробела в знаниях соответствующей информацией. В таком случае, действительно, глаголы *to ask, to inquire*, а также *to tell* в повелительном наклонении являются единственными словами, отражающими призыв к собеседнику известным образом реагировать на подобное обращение. Но, кроме того, главная часть может выражать незнание чего-то:

But neither you nor anybody else ... knew all the time who did it (Stories, p.28);

I had not the slightest conception how Gilbert made it (Snow 1, p.218);

неуверенность:

I couldn't be quite sure how it would go (Wilson, p.119);

непонимание:

I don't understand why Albra hasn't been here (Steinbeck 1, p.509);

трудности в решении вопроса:

...I can't think how things can have gone with you (Wilson, p.282).

Как видим, во всех приведенных примерах главные части сложноподчиненных предложений констатируют наличие пробела (лакуны) в знаниях субъекта об окружающей действительности, т.е. формальными языковыми средствами выражается факт "осознания незнания" (Ле-

мантов, с.20). В каждом отдельном случае главная часть содержит указание на пробел в знаниях субъекта вопросительного процесса, хотя далеко не всегда отражает просьбу о заполнении пробела.

Это звено в общей цепи интеллектуально-языковых процессов познавательной деятельности является важным, так как представляет собой начальный этап вопросительного процесса; к нему примыкают и от него зависят последующие ступени этого процесса. На данной ступени вопросительного процесса его субъект еще не побуждает ни собеседника, ни самого себя заполнить лакуну в его знаниях. Но "осознание незнания" является своеобразным импульсом к поискам отсутствующей информации. Это подтверждается, в частности, тем, что в диалоге одно только сообщение говорящего о незнании чего-то может восприниматься собеседником как имплицитная просьба о заполнении лакуны.

"I don't know how they are going to feed 'em".

"Maybe the Lord'll see fit to take 'em to himself", said the midwife (Maugham, p.700).

"I don't know how you get hold of them", said Lawson furiously.

"There's no difficulty about that, sonny", answered Flanagan (Maugham, p.249).

В обоих случаях ответ стимулирован не вопросом в узком смысле слова (первые предложения не вопросительные), а сообщением о незнании. Просьба о заполнении лакуны в знаниях представляет собой следующую ступень вопросительного процесса. Здесь можно будет выделить два пути для устранения лакуны. Во-первых, субъект сам пытается уяснить неизвестное, неопределенное путем различных мыслительных операций:

I was trying to figure out what she meant by Nancy and Charley, headed for trouble (O'Hara 1, p.133).

"I wonder why I did it", and suddenly he was silent (Steinbeck 1, p.523).

I don't understand what's come over the children of this generation (Lewis, p.113).

Иногда субъект отказывается от таких попыток, объявляет о своем нежелании решать вопрос:

If Johnnie were here I don't like to think what would happen to you (Allingham, p.183).

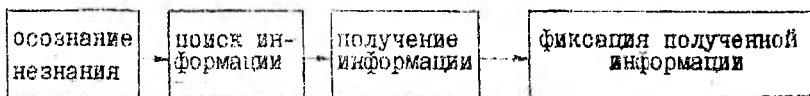
Во-вторых, субъект вопросительного процесса, пытаясь заполнить лакуну информацией, задает вопрос собеседнику, т.е. оформляет собственно вопрос:

And they asked him why he remained in this narrow bed alone when they waited for him... (Baldwin 1, p.98).

В традиционных грамматиках только эта ступень вопросительного процесса рассматривается как косвенный вопрос, т.е. то звено мыслительного акта, которое получает выражение в речи.

Язык, выполняя коммуникативную и познавательную функции, может отражать своими формальными средствами любые участки вопросительного процесса. Структура одного предложения или структура серии предложений отражает структуру логически связанных и взаимозависимых мыслей. Однако однозначного соответствия между формальной структурой языковых средств и логической структурой вопросительного процесса нет.

В связи с действием различных лингвистических и экстралингвистических факторов (тенденция к экономии речевых средств, отсутствие собеседника и т.д.) говорящий может избегать выражения языковыми средствами отдельных стадий, мыслительных актов вопросительного процесса. Так, процесс заполнения лакуны информацией может быть выражен языковыми средствами независимо от того, был ли задан собственно вопрос. Предложению *I told him what I had seen in New Orleans* (Steinbeck 2, p.270) мог не предшествовать эксплицитный вопрос. Однако это не значит, что предложения такого типа не должны рассматриваться наряду с другими высказываниями, отражающими этапы вопросительного процесса. Семантика данного сложноподчиненного предложения в целом и его частей говорит о том, что вопрос существовал имплицитно и что ответ на него найден, т.е. лакуна заполнена. За этим может следовать еще одна, последняя стадия вопросительного процесса, когда познающий субъект полностью осознает и выражает языковыми средствами факт "знания": *I know exactly how you must feel* (Wilson, p.33). Таким образом, весь вопросительный процесс можно условно изобразить следующей схемой:

Условность данной схемы заключается прежде всего в том, что каждое ее звено может быть в свою очередь подразделено на несколько ступеней в зависимости от уровня "незнания", от путей "поиска информации", "получения информации" и от уровня "знаний". Так например, поиск знаний осуществляется двумя путями (см. выше). В одном случае познающий субъект сам путем различных умо-

заклучений, без использования языковых средств заполняет пробел в знаниях. Во втором – логическая структура данного звена вопросительного процесса в мышлении выражается формальными языковыми средствами. Именно эти формальные средства, т.е. та часть, которая выносится "наружу", эксплицируется, рассматривается традиционными грамматиками как вопрос (прямой и косвенный). В этом и состоит узость понимания вопросительности вообще и косвенного вопроса в частности.

5. В отличие от традиционного взгляда на косвенный вопрос мы расширим рамки этого понятия и будем усматривать косвенный вопрос в любом сложноподчиненном предложении, способном отражать какую-либо стадию вопросительного процесса.

Косвенный вопрос, таким образом, является грамматическим средством, способным отражать этапы интеллектуальной и эмоционально-волевой деятельности, направленной на ликвидацию пробела в знаниях.

Прямой же вопрос является грамматическим средством, отражающим лишь один этап вопросительного процесса, а именно адресованное собеседнику побуждение предоставить необходимую информацию для заполнения лакуны.

Сфера употребления косвенного вопроса намного шире, чем прямого. Поэтому прямой вопрос всегда может быть трансформирован в косвенный, однако трансформация косвенного вопроса в прямой имеет место гораздо реже, после небольшого числа глаголов (*to ask, to inquire*). Сложноподчиненные предложения с косвенным вопросом, главные части которых содержат такие, например, глаголы-сказуемые, как *to know, to understand, to think, to have no idea* и другие, выражающие акты мышления, восприятия, чувства, не могут быть трансформированы в прямой вопрос:

But I don't know whether you believe me (Christie 1, p.143)

I can't think why they don't separate (Wilson, p.166).

Одна из причин состоит в том, что косвенный вопрос в отличие от прямого реализуется в рамках более сложной структуры предложения – в сложноподчиненном предложении, в котором выделяются главные и придаточные части. У каждой из этих частей своя коммуникативная нагрузка, каждая из них реализует один из аспектов вопросительного процесса, тогда как в прямом вопросе эксплицитное выражение получает лишь один из его аспектов.

Вопросительное предложение в прямой речи содержит полное описание информационного пробела, лакуны, которое субъект вопросительного процесса сообщает собеседнику вместе с просьбой о за-

полнении лакуны имеющейся у него информацией. Важно, что даже обращение к собеседнику с просьбой об информации (ответе) не получает словесного выражения в самом вопросительном предложении – просьба выражается лишь интонационной структурой вопросительного предложения, она вытекает из диалогической ситуации. Именно поэтому просьба об ответе легко устранима без нарушения структуры вопросительного предложения. Это имеет место в монологах, где вопрос ставится самому себе, а также в риторических вопросах.

Как было показано выше, за рамкой вопросительного предложения, естественно, оказывается как вся подготовительная часть вопросительного процесса, так и его завершение – ликвидация информационной лакуны.

При трансформации прямого вопроса в косвенный все содержание вопросительного предложения без остатка вмещается в придаточную часть сложноподчиненного предложения, которая в словесном выражении точно отражает весь прямой вопрос, в том числе и вопросительное слово. Но в сложноподчиненном предложении с косвенно-вопросительной придаточной частью имеется еще главная часть, содержание которой не входило в состав вопросительного предложения. Каково это содержание? В типичном случае с глаголом *to ask* главная часть в соответствии с семантикой глагола выражает просьбу к собеседнику предоставить искомую информацию для заполнения пробела в знаниях.

I asked them how they liked the play (Snow 1, p.200).

I asked her if she hadn't been very happy (Lawrence, p.313).

Но такая просьба – один из этапов вопросительного процесса. Следовательно, в главной части содержится информация о вопросительном процессе как таковом.

Таким образом, придаточная часть отражает лишь одну сторону вопросительного процесса – описывает информационную лакуну. Вторая сторона вопросительного процесса – указание на тот или иной его этап – находит отражение в главной части. Поэтому для косвенно-вопросительной придаточной части главная часть сложноподчиненного предложения является "партнером" в выражении полного вопросительного содержания.

6. Если придаточная часть изучается в грамматике с различных точек зрения (семантическое значение, интонационный рисунок, синтаксические отношения с частями речи и т.д.), то главная часть сложноподчиненного предложения, его компоненты, от которых непосредственно зависит придаточная часть, а следовательно, релеванность частей, входящих в нее, остаются до сих пор мало разработанными. В основном они рассматриваются

проблема не только взаимоотношения главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения с косвенно-вопросительной придаточной частью, но и взаимоотношения последней с отдельными элементами главной части.

В составе главной части косвенно-вопросительного сложноподчиненного предложения всегда имеется слово или группа слов, которые непосредственно указывают на наличие информационной лакуны и от которых семантически зависит придаточная часть, описывающая лауну. Такое слово или группу слов мы будем называть косвенно-вопросительным антецедентом. В следующих предложениях выделенные слова являются антецедентами:

"Suggest where I can live", Anna said (Murdoch 1, p.44).

Tell me where you've been... (Baldwin 2, p.310).

"Ask them what they want to know", I said (Graham, p.142).

В грамматиках английского языка не рассматривается ни сущность косвенно-вопросительных антецедентов, ни их роль в структурном и особенно в семантическом цементировании всего сложноподчиненного предложения. Все это обусловлено тем подходом к изучению категории вопросительности и косвенного вопроса в частности, о котором говорилось выше. В лексико-грамматической природе косвенно-вопросительного антецедента следует различать два аспекта. Во-первых, антецедент любой придаточной части сложноподчиненного предложения (не только косвенно-вопросительной) представляет собой слово, с которым придаточная часть соотносена грамматически. Так, с глаголами *to ask*, *to know*, *to wonder* и т.п. косвенно-вопросительные придаточные части соотношены как их дополнения; с существительным *question* придаточные части соотносятся как его определения.

Во-вторых, косвенно-вопросительный антецедент обязательно содержит определенное указание на ход вопросительного процесса.

В приведенных выше словах-антецедентах, несомненно, присутствуют оба аспекта. Рассмотрим косвенно-вопросительный антецедент в следующем предложении:

I had no idea how long I had slept (Robertson, p.144).

Грамматическим антецедентом косвенно-вопросительной придаточной части является существительное *idea*, с которым придаточная часть грамматически соотносена как его определение. Однако существительное *idea*, отдельно взятое, не передает вопросительный процесс. Он отражен лишь в более широком контексте — в сочетании *had no idea*: важную роль в этом играет отрицательное местоимение

ние по . То же самое имеет место в предложении "I don't know why I'm having so much bother", said he (Maugham, p.217). Грамматическим антецедентом придаточной части является здесь глагол to know, а смысловой антецедент включает также отрицание (don't know).

Подобные случаи делают целесообразным различение антецедента грамматического (существительное idea) и антецедента смыслового (had no idea). Тогда следует считать, что в глаголах to ask, to wonder, в существительном question и т.п. оба антецедента совмещены и равны по лексическому наполнению, а в случаях наподобие had no idea их объемы не совпадают: антецедент смысловой шире, чем антецедент грамматический, причем последний всегда входит в состав первого.

Антецеденты с отчетливо вопросительным значением являются одновременно формальными и смысловыми, поскольку они могут вводить косвенно-вопросительную придаточную часть без соответствующего дополнительного контекста. Количество слов-антецедентов с ярко выраженной вопросительной семантикой невелико. К ним относятся глаголы to ask и его синоним to inquire, to tell; существительное question и его синоним problem.

"Ask them what they want to know", I said (Graham, p.28).

Tell me what you do with yourself all day (Christie 2, p.28).

There is a question whether this piece of evidence should be heard in camera or not (Williams, p.338).

Те антецеденты, в семантической структуре которых элемент вопросительности невелик, нуждаются в дополнительном контексте. Таким контекстом часто является отрицание, подчеркивающее момент незнания: didn't know, had no idea, was not sure, cannot be certain. Довольно часто в контексте отражается потребность в знании: wants to know, should like to know, was curious to know.

7. С точки зрения морфологического состава грамматические антецеденты, вводящие косвенно-вопросительную придаточную часть, делятся на две основные группы: антецеденты глагольные и антецеденты именные (выраженные существительными или прилагательными).

Абсолютное большинство антецедентов – глагольные. Это объясняется тем, что вопросительному процессу присуща динамика, постоянное движение мысли, направленное на познание окружающей действительности.

Наиболее употребительными глаголами-антецедентами, вводящими косвенный вопрос, являются слова и группы слов: to know, to won

der, to tell, to ask, to inquire, to understand, to see (как сино-
ним to understand), to care.

They just didn't know who they were talking to (Robbins,
p.66).

"I don't care what you believe", she said (Steinbeck 1, p.289)

I just wonder why you do it (Steinbeck 1, p.333).

Типичными именными antecedентами является существительные
question, problem. Они обладают отчетливой вопросительной семан-
тикой и не нуждаются в дополнительном контексте для отражения
вопросительного процесса.

There is a question whether this piece of evidence should be
heard in camera or not (Williams, p.338).

He had pondered for twenty years the problem whether he
loved liquor because it made him talk (Maughan, p.234).

К этой группе antecedентов следует отнести также существи-
тельные idea, knowledge, которые отражают вопросительный процесс
только в определенном лексико-грамматическом контексте с отри-
цанием.

I hadn't the idea what I meant by it (Christie 3, p.55).

...Miss Pateman stated that they hadn't any knowledge them-
selves of what did happen to him (Snow 1, p.337).

Некоторые прилагательные также могут выполнять функции ан-
тецедентов при наличии определенного лексико-грамматического кон-
текста с отрицанием. К таким прилагательным относятся clear, sure,
certain. Не нуждается в контексте antecedent doubtful.

He reached the door, still uncertain what he was going to
say (Murdoch 2, p.255).

...it wasn't at all clear to me why I was refusing it (Mur-
doch 1, p.177).

...I wasn't quite sure where you were going to jump (Ald-
ridge, 159).

...it's doubtful whether Aron had noticed that (Steinbeck 1,
p.374).

В большинстве случаев придаточные части находятся в отноше-
нии подчинения к своим antecedентам, выступая в качестве допол-
нения или определения к ним. Существуют также antecedенты, кото-
рые связаны с придаточной частью субъектно-предикативными отноше-
ниями. Это имеет место при выполнении придаточной частью функции
подлежащего или предикатива. Так, в предложении What I cannot un-
derstand is how a Labour leader could give support to a count-
ry which is created and run by capitalists against other count-

ries in the Middle East (Morning Star, January 8, 1973) грамматическим и смысловым антецедентом является именное придаточное *What I cannot understand*. В предложении *The first thing to decide is ... whether it is the work of one of them only* (Christie 1, p.80) грамматическим антецедентом является существительное *thing*, смысловым антецедентом — *The thing to decide*.

В обоих примерах косвенно-вопросительные придаточные части выполняют функции предикатива. В подобных случаях грамматический и смысловые антецеденты либо совпадают (первый пример), либо смысловой антецедент включает грамматический антецедент с зависимыми от него словами (второй пример). В тех же случаях, когда косвенно-вопросительная придаточная часть выполняет функцию подлежащего, антецедент находится в сказуемом. Обычно это сказуемое именное, и грамматическим антецедентом является предикатив. В предложении *Whether she might have swerved as a result of a slight stroke remained uncertain* (Wilson, p.272) антецедентом является предикатив — прилагательное *uncertain*.

8. В отличие от антецедентов, которые употребляются только в сложноподчиненных предложениях с косвенно-вопросительными придаточными частями, существуют антецеденты, которые могут выступать и вне таких предложений. В частности, за ними могут следовать косвенно-повествовательные придаточные части, вводимые союзом *that*. К ним относятся антецеденты *to know, sure, to find out, to discover, to decide, clear* и многие другие. И в основном это те, которые нуждаются в поддержке контекста для указания на вопросительность. Без такого контекста они лишаются косвенно-вопросительного значения и вводят косвенно-повествовательные части с союзом *that*. Возьмем в качестве примера глагол *to know*. В предложении *I don't know what she wanted* (O'Hara 2, p.114) глагол *to know* в лексико-грамматическом контексте с отрицанием выдвигает на передний план проблематичность, содержащуюся в придаточной части, и указывает на импульс к поиску знания, к заполнению лакуны информацией. Указывая на лакуну, глагол *to know* создает вопросительность придаточной части. Более отчетливое указание на вопросительность глагол-антецедент получает в лексическом контексте желательности: *She wanted to know what was meant* (Lawrence, p.96). Здесь содержится не только указание на наличие пробела, но и на желание заполнить его.

Тот же глагол-антецедент в предложении *I think I know what I want to be* (Baldwin 2, p.340) в силу другого лексического окружения

продолжает указывать на информационную лакуну, но уже заполненную информацией. Глагол *to know* прямо указывает, что лакуна заполнена информацией и, следовательно, ликвидирована. Однако говорящий не раскрывает собеседнику полученную им информацию. Полная ликвидация информационной лакуны и для собеседника ведет, естественно, к устранению косвенно-вопросительной структуры и к замене ее структурой косвенно-повествовательной с союзом *that*.

...I am quite sure that in the final result it wouldn't have had the remotest effect on the Seniors' findings (Snow 2, p.88).

Если же информационная лакуна продолжает существовать для собеседника, она обозначается вопросительной структурой в придаточной части (*what I want to be*).

9. Завершение вопросительного процесса находит разное языковое отражение для общего и специального косвенного вопроса. При косвенном общем вопросе процесс завершается с получением ответа. Ответ на общий вопрос свободен от указаний на заполненную лакуну. Поэтому структура косвенно-вопросительной придаточной части не используется в предложениях-ответах. Например:

The Vicar of Blackstable wrote to ask Mr. Nixon whether it was a profession suited to gentlemen; and Mr. Nixon replied that... men were going into it who had been to public schools (Maugham, p.168).

Высказывание-ответ выходит тем самым за пределы вопросительного процесса. В нем раскрывается информация, ликвидирующая неопределенность в знаниях спрашивающего. Этим обусловлен довольно резкий и четкий переход от "незнания" к "знанию" при общих вопросах. В языковом выражении этот переход обозначен, как правило, появлением косвенно-повествовательной структуры с союзом *that*.

Иной характер имеет завершение вопросительного процесса для косвенного специального вопроса. Выход за пределы вопросительного процесса происходит постепенно. При этом придаточные части сохраняют некоторые черты косвенного вопроса и вместе с тем приобретают черты, отражающие другие аспекты умственной деятельности.

Глаголы *to know*, *to see*, *to tell*, *to discover* и другие в утвердительной форме являются такими antecedентами, которые выражают переходные, пограничные ступени вопросительного процесса. Эти глаголы в утвердительной форме (особенно *to know*) отражают

конец вопросительного процесса, его переход в другие формы мыслительной деятельности человека. Комплекс языковых средств, выражающих этот переход, является сложным и спорным. В частности, большие трудности представляет проблема разграничения придаточных частей с косвенным вопросом, которые еще отражают вопросительный процесс, от именных придаточных частей (Huddleston, 1971, p.39; Сигме, 1931, p.212; Гапеев, 1971, с.5). Последние отражают действительность в совершенно ином аспекте. Как было показано выше, вопросительная структура может употребляться для описания уже заполненной лакуны: He told her what was on his mind (Sillitoe 1, p.17). Возможность использования косвенно-вопросительной структуры в значении, удаленном от собственно вопроса, послужила основой для формирования особого структурно-семантического типа именных придаточных. Они обычно вводятся союзным словом *what* (Гапеев, с.5). Разграничение косвенно-вопросительных и именных придаточных частей во многих случаях не составляет труда. Ср.: Tell me what you have brought (с косвенно-вопросительной придаточной частью) и Give me what you have brought (с именной придаточной частью). При некоторых антецедентах, однако, разграничение довольно затруднительно. В предложении Tell me now what it is (Sillitoe 2, p.25) вопросительность придаточной части не вызывает сомнений, поскольку здесь имеется как указание на лакуну, так и просьба о ее заполнении. Но характеристика придаточной части предложения But please tell me what you said at the club (Maugham, p.350) о том же антецедентом tell в повелительной форме является спорной. Здесь можно усматривать косвенный вопрос, трансформированный в прямой → But please tell me: What did you say at the club? Но вполне возможна и иная трактовка, отраженная в трансформации → But please tell me about the statement which you made at the club. В этом случае придаточная часть what you said at the club должна описываться как именная.

10. Итак, вопросительный процесс представляет собой относительно длительный и сложный акт мыслительной деятельности, направленный на познание окружающей действительности. Каждый его этап может быть выражен соответствующими языковыми средствами. В сложноподчиненном предложении с косвенно-вопросительной придаточной частью стадии этого процесса получают выражение в его главной части. На первом этапе вопросительного процесса главные части отражают полное или частичное отсутствие информации, неуверенность, сомнение в чем-то, что получает непосредственное выражение в антецедентах.

В зафиксированных нами 7864 косвенно-вопросительных сложно-подчиненных предложениях наиболее употребительными antecedентами для первой стадии вопросительного процесса являются глаголы *to know* (2104 употребления), *to think* (168), *to understand* (108) в соответствующих контекстах, чаще всего с отрицанием, а также словосочетание *to have no idea* (90).

I don't know why you stand up for him (Wilson, p.158).

"I can't think what made you take it, Father", said Charlotte (Christie 4, p.175).

I couldn't understand why she was so sure (Greene, p.140).

She had no idea what he was talking about (Christie 3, p.24)

На следующем этапе вопросительного процесса главные части отражают различные пути поиска информации. Основными antecedентами, выражающими стремление познающего субъекта заполнить информационную лакуну, являются глаголы *to wonder* (1552 употребления) и *to see* (500).

I wonder what he was like before (Steinbeck 1, p.260).

He wanted to see if you needed anything (Snow 1, p.256).

Обращение субъекта вопросительного процесса к собеседнику за информацией выражено в главной части посредством antecedентов *ask* (619) и *tell* (244).

One boy asked him whether he could play cricket (Macham, p.44).

...I'd like you to tell me who made me one (Baldwin 2, p.82).

Наиболее употребительными antecedентами, отражающими результаты поиска информации, являются *to tell* (1113 употреблений), *to see* (98).

She told me how you protected her from that blowtor, Erikson (Bellow, p.123).

Yes, I see exactly what you mean (Christie 1, p.121).

На последнем этапе вопросительного процесса имеет место заполнение лакуны искомой информацией и фиксация языковыми средствами полученных знаний. Типичным antecedентом в данном случае является снова глагол *to know* (1552 употребления). Он всегда выражает сообщение о нахождении ответа. Этот глагол по своей семантике передает информационные состояния субъекта - как начальное, так и конечное, между которыми разворачивается вопросительный процесс. Предложения *He didn't know where he was* (Baldwin 1, p.170); *I know where there's a lot* (Sillitoe 2, p. 96) отражают противоположные стадии вопросительного процесса - начальную и конечную.

II. Косвенно-вопросительные antecedentes, являющиеся стержневыми компонентами сложноподчиненных предложений с косвенным вопросом, оказываются однотипными для всех косвенно-вопросительных сложноподчиненных предложений независимо от характера вопроса (общий или специальный) и от функции придаточной части по отношению к главной. Они отражают единство вопросительного процесса на всех его этапах, во всех его разновидностях.

Удельный вес собственно вопроса, рассмотрением которого нередко ограничиваются грамматики английского языка, оказывается сравнительно небольшим во всем вопросительном процессе.

Отсюда вытекает необходимость расширения понятия косвенного вопроса и включения в его рамки всех языковых средств, служащих для описания вопросительного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Г а п е е в В. В. Именные придаточные предложения с относительным местоимением *what* в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1971.

К а у ш а н с к а я В. Л. и др. Грамматика английского языка. Л., 1967.

Л и м а н т о в Ф. С. О природе вопроса. - "Учен. зап. Лeningr. пед. ин-та им. А.И.Герцена", 1971, т.497.

И л о т к и н В. Я. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений в современном английском языке. - "Вопросы германской и романской филологии. Науч. труды Новосиб. пед. ин-та", 1969, вып. 49.

С и р м е G. O. A Grammar of the English Language, v. 3, Syntax. Boston, 1931.

Г а н с х и н а М. А., В а с и л е в а к а я Н. М. English Grammar. Moscow, 1964.

H u d d l e s t o n R o d n e y D. The Sentence in Written English. Cambridge, 1971.

ТЕКСТЫ

Aldington - A l d i n g t o n, R i c h a r d. Death of a Hero. Moscow, 1958.

Aldridge - A l d r i d g e, J a m e s. The Hunter.Moscow, 1958.

Allingham - A l l i n g h a m, M a r g e r y. Death of a Ghost. Penguin Books, 1970.

Baldwin 1 - B a l d w i n, J a m e s. Go Tell it on the Mountain. N.Y., 1963.

Baldwin 2 - B a l d w i n, J a m e s. Another Country. N.Y., 1967.

Bellow - B e l l o w, S a u l. Herzog. N.Y., 1965.

Christie 1 - C h r i s t i e, A g a t h a.Appointment with Death. London, 1958.

Christie 2 - C h r i s t i e, A g a t h a. The Burden. N.Y.,1967.

Christie 3 - C h r i s t i e, A g a t h a. The Hollow.Fontana Books, 1961.

Christie 4 - C h r i s t i e, A g a t h a. The Hound of Death. Fontana Books, 1966.

Graham - G r a h a m, W i n s t o n. The Walking Stick. N.Y., 1967.

Greene - G r e e n e, G r a h a m. Travels With My Aunt. N.Y., 1969.

Lawrence - L a w r e n c e, D. H. The Rainbow. N. Y., N.Y., 1943.

Lewis - L e w i s, S i n c l a i r. Babbitt.Moscow,1962.

Maugham - M a u g h a m, W. S o m e r s e t. Of Human Bondage. N.Y., 1961.

Murdoch 1 - M u r d o c h, I r i s. The Bell.Penguin Books, 1969.

Murdoch 2 - M u r d o c h, I r i s. Under the Net.London, 1962.

Nordhoff and Normann - N o r d h o f f, C h a r l e s and Norman, J a m e s H a l l. Mutiny on the Bounty. N.Y., 1965.

O'Hara 1 - O ' H a r a, J o h n. Sermons and Soda-Water. N.Y., 1969.

O'Hara 2 - O ' H a r a, J o h n. The Big Laugh. N.Y., 1966.

Robertson - R o b e r t s o n, A r n o t. Four Frightened People. London, 1936.

Robbins - R o b b i n s, H. A Stone for Danny Fisher. N.Y., 1966.

Sillitoe 1 - S i l l i t o e, A l l a n. Saturday Night and Sunday Morning. N.Y., 1959.

Sillitoe 2 - S i l l i t o e, A l l a n. Key to the Door. Moscow, 1969.

Snow 1 - S n o w C. P. The Sleep of Reason. N.Y., 1968.

Snow 2 - S n o w C. P. The Affair. N.Y., 1960.

Steinbeck 1 - S t e i n b e c k, J o h n. East of Eden. N.Y., 1962.

Steinbeck 2 - S t e i n b e c k, J o h n. Travels with Charley. N.Y., 1963.

Stories - An Anthology of Distinguished Contemporary American Short Stories. N.Y., 1961.

The Essential - The Essential. Penguin Books, 1965.

Williams - W i l l i a m s, E m l y n. Beyond Belief. N.Y., 1968.

Wilson - W i l s o n, A n g u s. No Laughing Matter. London, 1969.

С.С.Петров

КОСВЕННО-ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Сложноподчиненное предложение (в дальнейшем сокращенно СПП) состоит из частей (главной и придаточной), которые в структурном и семантическом плане имеют большее или меньшее сходство с самостоятельными предложениями. Взаимоотношения между частями СПП с одной стороны и предложениями - с другой складываются по-разному в зависимости от функциональной и структурно-семантической характеристики придаточных частей.

Косвенно-вопросительная придаточная часть соотносится с самостоятельным предложением - прямым вопросом. Это соотношение находит отражение в обязательном однозначном соответствии между прямым и косвенным вопросом; им свойственна способность к взаимной трансформации друг в друга. Оговоримся, что речь идет не о трансформации

формации всего СПП: не всякий косвенный вопрос может быть полностью отражен в самостоятельном вопросительном предложении, так как в нем может не найтись соответствия для главной части СПП (см. с. 70 настоящего сборника). Но придаточная часть СПП всегда способна точно передать содержание и структуру любого прямого вопроса.

Для прямого вопроса в английском языке свойственно оформление вопросительности синтаксическими средствами (инверсия); лексико-грамматическими (специальные вопросительные слова), фонетическими (интонация с повышением тона). При этом оказывается, что сочетание всех трех маркировок вопросительности в одном предложении вряд ли возможно; обычно достаточно двух из них, иногда — одной. В этом отношении резко отличаются друг от друга вопросы общие и специальные. В общем вопросе не употребляются лексико-грамматические показатели вопросительности; для него обязательна инверсия в сочетании с повышением тона. Для специальных вопросов обязателен лексико-грамматический показатель — вопросительное слово. Инверсия у них распространяется лишь на некоторые разновидности (ср.: "who saw you?" — без инверсии; "Whom did you see?" — с инверсией). Повышение тона для специального вопроса не характерно.

Можно заключить, что для обозначения предложений как вопросительных при прямом вопросе решающую роль играет заполнение первой позиции в нем: как в общих, так и в специальных вопросах первая позиция оказывается заполненной такими словами, которые обычно не начинают повествовательное предложение. Это либо одно из специальных вопросительных слов — who (whom, whose), what, which, when, where, why, how, либо один из служебных глаголов (am — is — are — was — were, have — has — had, do — does — did, shall — should, will — would, can — could, may — might, must, ought, need, dare). Иными словами, вопросительное предложение обозначается как таковое с помощью небольшого списка начальных маркеров, которые можно назвать вопросительными интродукторами (ср. термин "интродюсер" — Кулиш, 1972, с. 26; однако он ограничивается вопросительными словами и не включает сюда служебные глаголы).

В косвенном вопросе обозначение вопросительности не может быть точно таким, как у самостоятельного прямого вопроса, так как определенную роль в передаче вопросительности принимает на себя всё СПП, включая главную часть. Поэтому у придаточной части меньше потребности в вопросительных маркировках.

Какова специфика маркировки косвенного вопроса в отличие от прямого? Во-первых, он полностью утрачивает интонационный рисунок — свойство отдельного предложения, а не придаточной части. Во-вторых, устраняется инверсия, обязательная для общих вопросов. Можно заключить, что общие вопросы теряют свои маркеры; у специального вопроса сохраняется главный, обязательный маркер — вопросительное слово. Инверсия вообще не может рассматриваться как обязательный маркер специальных вопросов как таковых, поскольку не встречается в некоторых разновидностях вопросов — при вхождении вопросительных местоимений в состав группы подлежащего. Однако утрата вопросительных маркеров — лишь одна сторона трансформации. Утратив статус самостоятельного вопросительного предложения, косвенный вопрос приобретает новый статус придаточной части СПП, который также нуждается в формальном выражении с помощью маркеров.

Маркерами придаточной части можно назвать такие средства, которые, во-первых, отмечают придаточные части, их границы с главными частями, во-вторых, указывают на характер семантико-синтаксических отношений придаточной и главной части СПП. Такими маркерами являются коннекторы — союзы и союзные слова. При бессоюзном подчинении имеет место опущение маркера, становящегося избыточным в определенных контекстах.

2. Приобретение косвенным вопросом маркировки придаточной части происходит по-разному у общих и специальных вопросов. Если в специальных вопросах вопросительные слова легко выполняют роль вопросительных интродукторов, так и роль маркера придаточной части, полностью сохраняя свою вопросительную семантику, начальную позицию и функцию в косвенно-вопросительной придаточной части, то в общих косвенных вопросах ни один маркер от прямого вопроса не сохраняется. Отсюда вытекает необходимость нового маркера общего косвенного вопроса. Такими маркерами становятся союзы *whether* и *if*.

В исследованных нами текстах общим объемом около II тысяч страниц из произведений художественной литературы современных английских и американских авторов обнаружено всего 1464 СПП с общим косвенным вопросом. Из них в 806 случаях употребляется союз *whether*, в 658 — союз *if*. Союз *whether* является однозначным маркером. Он указывает лишь на один аспект семантико-синтаксических отношений между главной и придаточной частью, а именно на выражение придаточной частью общего косвенного вопроса.

В отличие от *whether* союз *if* многозначен — сферой его основного употребления являются условные придаточные. *Whether* как специализированный союз для общих косвенно-вопросительных придаточных может заменить *if* в таких придаточных, но далеко не всегда возможно заменить *whether* на *if*.

I came back to see if what I heard was true (Robbins, p.197).

—> I came back to see whether what I heard was true.

I wondered whether her mother knew her father was not ill (Steinbeck 1, p.513). —> I wondered if her mother knew her father was not ill.

Одним из факторов, определяющих выбор между *whether* и *if*, является лексико-семантическая характеристика вопросительного антецедента в главной части СПП. Наиболее часто союз *if* встречается после антецедентов *to ask* и *to wonder*. Из 658 зарегистрированных употреблений *if* в косвенно-вопросительных придаточных на эти два антецедента приходится 359, т.е. больше половины. Это объясняется, очевидно, ярко выраженным вопросительным значением этих глаголов, что делает возможным выбор союза с менее ярко выраженным косвенно-вопросительным значением. После антецедента *to ask* преобладает *if*, а не специализированный косвенно-вопросительный союз *whether*: сочетание антецедента *to ask* с союзом *if* зарегистрировано в 165 случаях, а с союзом *whether* — только в 89 случаях, т.е. почти вдвое реже. Характерно, что у антецедента *to know*, который не имеет столь яркого вопросительного значения, соотношение обратное: он сочетается с союзом *if* 91 раз, а с союзом *whether* 187, т.е. вдвое чаще.

Выбор союзов *whether*, *if* в СПП зависит также от функции вводимых придаточных частей. Придаточные части, выполняющие функции подлежащего, предикатива или определения, вводятся только союзом *whether*.

Whether the art of scandal-mongering has suffered by this new social activity is hard to say (Aldington, p.137).

The only question was *whether* his sleep was not an eternal sleep (Bennet, p.48).

He had pondered for twenty years the problem *whether* he loved liquor (Maugham, p.234).

Невозможность употребления *if* объясняется тем, что главные части таких СПП, как правило, не включают в свой состав антецеденты с ярко выраженным вопросительным значением. Немалую роль также играет тот факт, что придаточное предложение располагается перед своим антецедентом. Постановка союза *if* в начале предложения — характерное свойство СПП с условными придаточными.

Таким образом, эквивалентность *whether-if* проявляется только в дополнительных косвенно-вопросительных придаточных:

His parents wanted to know whether anything could be done (Maugham, p.511).

They want to know if you knew about this place (Gardner, p.56).

Специальные косвенные вопросы (нами зарегистрировано 6400 СПП со специальными косвенно-вопросительными придаточными) вводятся словами *what* - 3223 употребления, *who* (*whom, whose*) - 259, *which* - 89, *how* - 1472, *why* - 684, *where* - 561, *when* - 112. Первые три из них являются местоимениями, последние четыре принято относить к наречиям. Однако полная аналогичность их значения и употребления позволяет нам присоединиться к тем авторам, которые причисляют так называемые местоименные наречия к местоимениям (Khaimovich, Rogovskaya, 1967, pp. 107-108).

3. В классификациях местоимений в грамматиках английского языка находим, как известно, разряды вопросительных и относительных местоимений. Однако проблема их разграничения в предложении является сложной. Одна из причин состоит в том, что местоимения недостаточно изучены как полифункциональный класс слов.

Местоименная, как и слова других частей речи, могут выполнять различные функции в зависимости от лексико-грамматического окружения. Так, смысловое содержание и синтаксическая нагрузка местоимения *who* не идентичны в следующих трех предложениях:

Who was there?

I went into the hall, picked up the receiver, and asked who was there (Snow 1, p.391).

So would anyone who knew him (Maugham, p.40).

Это объясняется тем, что местоимение *who* находится в различных лексико-грамматических контекстах: в первом примере оно является компонентом простого предложения, а в двух других - сложноподчиненного. В первом случае оно маркирует предложение как вопросительное, указывает на наличие лакуны в знаниях субъекта вопросительного процесса, на ее характер. Тем самым местоимение *who* привлекает внимание адресата к поставленному вопросу. В подобных окружениях местоимение *who* является вопросительным интродуктором. Это относится в равной степени и к другим ранее перечисленным местоимениям.

Помимо с функцией вопросительного интродуктора, исследуемые местоимения могут выполнять и другие функции. Во втором и треть-

ем предложениях слово *who*, как и в прямых вопросах, является маркером, но не самостоятельного предложения, а придаточных частей. На первый план выдвигается у него функция коннекторная.

Различие вопросительных и относительных местоимений базируется на том, что вопросительно-интродукторная роль этих слов диахронически преобразовалась в коннекторную (Onions, 1904, p. 147; Fernald, 1904, p. 281). Наличие последней в целом ряде контекстов автоматически исключает первую. Ср.:

What were you doing there? (Maugham, p. 525), где *what* вопросительный интродуктор.

That is what I have to tell you (Snow 1, p. 48), где *what* коннектор.

When shall you be in? (Maugham, p. 467), где *when* вопросительный интродуктор.

When the play was over he had another drink (Maugham, p. 471), где *when* коннектор.

В приведенных предложениях существует отчетливое различие между вопросительными и относительными местоимениями. Это относится также и к местоимениям *which*, *who*, *where*, *why*. Поскольку налицо результат исторической дивергенции, можно обоснованно говорить об омонимических парах.

Однако процесс развития полифункциональности указанных слов не всегда приводит к четко установленной системе омонимических пар: не всякое вопросительное слово имеет относительное соответствие (таково местоимение *how*) и не всякое относительное слово имеет вопросительную параллель (таково местоимение *that*).

Совершенно иная картина возникает при анализе коннекторов придаточных частей со специальными косвенными вопросами. В СПП со специальными косвенными вопросами интродукторы приобретают новую, коннекторную функцию, связывают придаточную часть с главной. Однако новая функция несколько не ущемляет первоначальную.

Интродуктор, как известно, 1) находится в начале вопросительного предложения, 2) имеет вопросительную семантику, характеризуя информационную лауну, 3) выполняет функцию одного из членов вопросительного предложения.

Местоименный коннектор имеет аналогичные свойства в составе СПП: 1) находится в начале придаточной части, 2) указывает на семантику придаточной части, 3) выполняет функцию одного из членов придаточной части. Три свойства интродуктора специального вопроса легко совместимы с тремя свойствами союзного слова: 1) вопро-

сительное слово, стоящее в начале прямого вопроса, естественно, сохраняется в начале косвенного вопроса; 2) вопросительное слово, указывающее на содержание прямого вопроса, и в СПИ указывает на наличие вопроса и тем самым осуществляет семантико-синтаксическую связь между главной частью, характеризующей вопросительный процесс, и придаточной частью, описывающей информационную лакуну; 3) вопросительное слово является членом предложения как в прямом, так и в косвенном вопросе.

Таким образом, в отличие от относительных местоимений коннекторы косвенно-вопросительных придаточных частей СПИ не только сохраняют связь с вопросительными словами, они полностью сохраняют все свойства вопросительных слов: семантические, вопросительно-интродукторные, синтаксические. Тот факт, что они выполняют коннекторную роль в СПИ, разумеется, в какой-то мере сближает их с относительными местоимениями. Однако для относительных местоимений коннекторная роль является единственной, тогда как для вопросительных местоимений коннекторная роль в косвенном вопросе непосредственно вытекает из их интродукторно-вопросительного употребления.

Полифункциональность вопросительных слов, их способность совмещать вопросительно-интродукторную и коннекторную функции в СПИ вызывают затруднения у авторов, молчаливо исходящих из посылки, согласно которой приобретение новой функции автоматически ликвидирует прежние (Кулиш, 1972, с.29). Однако из одного совершенно не вытекает другое. Как было показано, вопросительно-интродукторная функция легко совместима с коннекторной без ущерба для какой-либо из них. Так, в общем прямом вопросе роль интродуктора выполняет глагол, одновременно функционирующий как сказуемое или его часть.

Was he present at the meeting?

Has he any tickets for this performance?

Can none of you do it?

Таким образом, нет оснований отрывать местоимения *who, what, which, where, when, why, how* в косвенно-вопросительных придаточных от тех же местоимений в самостоятельных вопросительных предложениях. Общность их семантики, сходство их функций требуют, чтобы они рассматривались не как омонимы, принадлежащие к двум разрядам местоимений, а как полифункциональные вопросительные слова, способные вводить прямой и косвенный вопросы.

4. При рассмотрении проблемы СПИ с косвенным вопросом интересна конструкция, в которой местоимение выполняет функцию интродуктора:

No one can tell how to do it (Steinbeck 2, p.28).

Two years of not knowing who to believe, what to believe (Robbins, p.242).

He was wondering whether to tell me that (Snow 1, p.233).

Как видим, речь идет о предложениях, где после вопросительного интродуктора не следует полностью оформленная придаточная часть с подлежащим и сказуемым – личным глаголом. Единственным компонентом конструкции, следующей за вопросительным интродуктором, оказывается глагол в форме инфинитива. В исследованных текстах зарегистрировано 574 употребления таких предложений. В грамматиках последние часто рассматриваются не как СПП, а как простые предложения с инфинитивными словосочетаниями (Scheurweghe, 1959, p.309; Ganshina and Vasilevskaya, 1964, pp.266-267). С чисто формальной точки зрения такое освещение кажется обоснованным. Однако подобный подход к решению вопроса устраняет из поля зрения реально существующий параллелизм между следующими предложениями:

He doesn't know how I do it (Steinbeck 1, p.410).

I don't know how to do it (Steinbeck 1, p.434).

В приведенных предложениях обнаруживаются важные сходные черты. Главные части имеют одно и то же лексико-синтаксическое строение и совершенно одинаково указывают на вопросительный процесс. В них те же косвенно-вопросительные антецеденты. Однако по синтаксической структуре придаточных частей рассматриваемые конструкции существенно отличаются от обычных СПП тем, что в придаточной отсутствует подлежащее, а глагол находится в неличной форме. Тем самым придаточная часть лишена надлежащим образом оформленных главных членов. Оба высказывания совпадают по главной части и по вопросительному слову, т.е. по тем двум компонентам, которые играют важнейшую роль в оформлении косвенного вопроса.

Анализируя придаточные части в предложениях типа I don't know how to thank you (Robbins, 240), следует обратиться к их аналогам среди простых предложений. Там мы также находим конструкции, которые выступают в качестве простых прямых вопросов и в которых опущено подлежащее, а сказуемое – инфинитивное:

How to do it? Where to go?

What to decide? To be or not to be?

Структура подобных высказываний обусловлена ситуацией. В их составе отсутствует подлежащее, потому что оно ситуативно легко восполнимо. При отсутствии эксплицитного подлежащего глагол-сказуемое, естественно, принимает неличную форму инфинитива.

Таким образом, в приведенных выше предложениях имеется ситуативно обусловленный эллипсис.

Придаточные части, в которых опущены подлежащие во избежание повторения названия лица или предмета, уже названного в главной части, можно охарактеризовать как эллиптические придаточные части с контекстуально обусловленным эллипсисом. Опущенное в придаточной части подлежащее легко восстанавливается при помощи главной части СПП, в которой оно эксплицировано.

But he knew when to cut his losses (Snow 2, p.93). → But he knew when he could cut his losses.

I shall have to decide whether to let my name go forward (Snow 2, p.25). → I shall have to decide whether I can let my name go forward.

Подобный эллипсис придаточных частей, разумеется, невозможен, если само вопросительное слово является подлежащим придаточной части. Поэтому с местоимением *who*, которое обычно бывает подлежащим, подобные конструкции редки. Не встречаются они также с местоимением *why*. В общих косвенно-вопросительных предложениях с эллипсисом союзом может быть только *whether*.

5. Наконец, особого рассмотрения требует структура предложений, представленных примерами:

A very special need. I don't know what (Bellow, p.406).

And when will it really hit me?

I don't know when but I know how.

Эти предложения формально легко описываются как простые с вопросительными словами, за которыми не следует косвенный вопрос. Однако такое решение упрощает семантическую характеристику предложений и не позволяет увидеть в них косвенный вопрос, без которого повисает в воздухе и вопросительное слово. Совершенно ясно, что последнее не утратило ничего из своей вопросительной природы: оно характеризует информационную лауну. Совершенно ясно также, что предшествующая ему часть предложения (*I don't know*) не отличается от главных частей косвенно-вопросительного СПП: она отражает ход вопросительного процесса. Предложение в целом имеет в своем составе два основных компонента косвенно-вопросительного предложения: описание вопросительного процесса, обычно содержащееся в главной части СПП, и вопросительное слово, способное вводить придаточную часть. За вопросительным словом не следует, правда, третий компонент косвенно-вопросительного СПП – придаточная часть, которая, однако, легко восполнима из контекста.

Следует учесть, что вопросительное слово в СПИ является членом придаточной части, основным формальным признаком зависимого компонента сочетания предикативных единиц (Иофик, 1968, с. 137). Можно сказать, что вопросительное слово представляет, репрезентирует отсутствующую, опущенную придаточную часть. "При репрезентации часть некоторой синтаксической единицы "представляет" целое" (Почепцов, 1971, с.170). Подобная репрезентация целого частью предполагает в качестве необходимого условия связь с предшествующим контекстом, в котором называется репрезентируемая часть (Почепцов, с.171). Придаточные части в подобных предложениях редуцированы до одного элемента, потому что они полностью эксплицированы в предыдущем контексте.

I ought to be somewhere else, but I don't know where (Christie 1, p.193).

For some reason he was unwilling. She wondered why (Christie 2, p. 171).

Как видим, главные члены придаточной части могут быть эксплицированы в том же предложении или в предыдущем. Следовательно, в подобных случаях налицо контекстуально обусловленный эллипсис придаточной части СПИ, которая репрезентирована своим основным формальным индикатором. Значит, интродукторная роль исследуемых местоимений не исчезает. В простых вопросительных предложениях также встречается аналогичный эллипсис. В следующих примерах простые вопросительные предложения редуцированы до одного слова, которое является вопросительным интродуктором и членом предложения.

"So it's got to be one of us", Tom said.

"Yes", I replied.

Tom Orbell said the one word:

"Who?" (Snow 2, p. 266).

"I think you are obliged to give a reason", he said.

"Why?" (Snow 2, p.158).

Возможность редукции вопроса до одного вопросительного слова, как видим, одинаково характерна как для прямого, так и для косвенного вопроса. Вполне естественно, что подобной редукции могут подвергаться лишь специальные вопросы, так как общий вопрос не содержит вопросительного слова, которое могло бы репрезентировать его: союз *whether*, не являющийся членом предложения в придаточной части, не может выступать как репрезентант.

Всего подобных конструкций с редуцированными придаточными зарегистрировано 11. Особенно часто встречается в них местоимен-

мение *why* - на него приходится 148 употреблений, т.е. больше половины. При местоимении *why* возможно включение в редуцированное придаточное отрицания *not*.

I understood his language too well to ask why not (Snow 2, p.64).

В подобных конструкциях *not* представляет всю предикацию (Khaimovich and Rogovskaya, p.231), которая эксплицирована в предшествующем контексте. Следовательно, придаточная часть репрезентирована двумя словами: одним членом всей части как таковой (*why*) и одним компонентом предикации (*not*). Придаточная часть в целом легко восстанавливается при помощи предшествующего контекста. Например:

"Harry won't come, so we shan't have money for that".

"Why not?"

"I don't see why not" (Maugham, p.466).

Подобный пример хорошо иллюстрирует аналогию между прямыми и косвенными вопросами с эллипсисом.

Таким образом, эллипсис одного главного члена придаточной части (подлежащего) или обоих главных членов приводит к возникновению специфических придаточных образований, при которых СПП внешне сближается с простыми предложениями.

Известна точка зрения, согласно которой "компонентами полипредикативного предложения являются не "словесные формы", а предикативные единицы" (Иофик, с.136).

Однако предикативный характер придаточной части вовсе не обязательно обусловлен эксплицитным выражением в ее пределах подлежащего и сказуемого в личной форме. Имеются придаточные образования, в которых либо один из этих членов предикации (подлежащее), либо оба (подлежащее и сказуемое) подвергаются анафорическому эллипсису. Однако предложение в целом сохраняет важнейшие свойства косвенно-вопросительного СПП - главную часть, которая отражает вопросительный процесс, и интродуктор косвенного вопроса, который указывает на характер информационной лакуны. Поэтому рассмотренные выше предложения следует причислить к косвенно-вопросительным СПП. Их придаточные части подвергнуты эллипсису подобно соответствующим прямым вопросам.

Л И Т Е Р А Т У Р А

И о ф и к М. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. М., 1968.

Кулиш О. П. О так называемых вопросительных словах в современном английском языке. - В сб.: Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Днепропетровск, 1972.

Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

O n i o n s C. T. An Advanced English Syntax. London, 1904.

G a n s h i n a M. A., V a s i l e v s k a y a N. M. English Grammar. Moscow, 1964.

S c h e u r w e g h s G. Present-Day English Syntax, Longmans, 1959.

K h a i m o v i c h B. S., R o g o v s k a y a B. I. A Course in English Grammar. Moscow, 1967.

F e r n a l d, J a m e s C. L.H.D. Connectives of English Speech. N.Y., 1904.

Т Е К С Т Ы

Aldington - A l d i n g t o n, R i c h a r d. Death of a Hero. Moscow, 1958.

Bellow - B e l l o w, S a u l. Herzog. N.Y., 1965.

Bennett - B e n n e t t, A r n o l d. The 'Old Wives' Tales. Moscow, 1962.

Christie 1 - C h r i s t i e, A g a t h a. The Burden. N.Y., 1967.

Christie 2 - C h r i s t i e, A g a t h a. The Hollow. Fontana Books, 1961.

Gardner - G a r d n e r, S t a n l e y E r l e. The Case of the Vagabond Virgin. London, 1968.

Maugham - M a u g h a m, S o m e r s e t W. Of Human Bondage. N.Y., 1961.

Robbins - R o b b i n s, H. A Stone for Danny Fisher. N.Y., 1966.

Sillitoe - S i l l i t o e, A l l a n. Key to the Door. Moscow, 1969.

Snow 1 - S n o w C. P. The Sleep of Reason. N.Y., 1968.

Snow 2 - S n o w C. P. The Affair. N.Y., 1960.

Steinbeck 1 - S t e i n b e c k, J o h n. East of Eden. N.Y., 1962.

Steinbeck 2 - S t e i n b e c k, J o h n. Travels with Charley. N.Y., 1963.

О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЗВУКОВ В ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

I. В фонологии исландского языка, вероятно, нет более трудной и спорной проблемы, чем определение фонологического статуса длительности гласных и согласных звуков. Примечательно, что споры идут вокруг фонологической трактовки фонетических данных, которые сами по себе считаются бесспорными. Имеется в виду обратная зависимость между длительностью ударного гласного и следующего за ним согласного: в последовательности, состоящей из ударного гласного и согласного, один из них непременно считается долгим, другой — кратким. Иными словами, последовательность VC описывают либо как $\bar{V}\bar{C}$ (*van* — слишком мало, *nót* — невод, *fús* — склонный, *vina* — подруга, *ama* — огорчать, *meta* — оценивать), либо как $\bar{V}\bar{C}$ (*vann* — работал, *nótt* — ночь, *fúss* — гнев, *vinna* — работа, *amma* — бабушка, *metta* — насыщать).

Взаимообусловленность длительности гласного и согласного не позволяет считать ее независимым фонематическим признаком у каждой из фонем; если длительность фонематична у гласных, она должна рассматриваться как позиционно обусловленный, фонологически нерелевантный признак у согласных, и наоборот, наличие фонематического признака длительности у согласных исключает релевантность длительности у гласных. В фонологической литературе (обстоятельный обзор см.: Либерман, 1971а, с.6–21) эти варианты решения обсуждались. Но в фонетическом материале не было найдено никаких данных, которые позволили бы предпочесть одно решение и отвергнуть другое. Конечно, можно было бы видеть здесь случай неединственности фонологических решений, однако сам принцип неединственности решений вполне обоснованно отвергается фонологами (Martinet, 1965, p. 13; Стеблин-Каменский, 1966, с.65–66).

Тупик, в который зашла, таким образом, фонематическая трактовка, пытались преодолеть, выведя проблему длительности исландских гласных и согласных из фонематики в просодику. Было предложено считать длительность в исландском языке характеристикой не гласных или согласных фонем, а всего слога в целом. При просодической трактовке длительности все ударные слоги в исландском оказываются долгими; они фонологически различаются местом просодемы

долготы (Malone, 1959, p.269) или квантитативной вершины слога (Либерман, 1971а, с.27-31), которая может располагаться либо на гласном, либо на поствокальном согласном.

Однако просодическая трактовка также связана с довольно серьезными трудностями. Одна из них возникает при анализе последовательностей из гласного с двумя и более согласными в словах наподобие *kast* - бросок, *kasta* - бросать, где гласный обязательно краток. Эти последовательности не вызывают трудностей при фонематических трактовках длительности: если релевантная длительность принадлежит гласным, то она нейтрализуется в пользу краткого гласного перед определенными сочетаниями согласных; если же релевантная длительность - признак поствокального согласного, она нейтрализована перед следующим согласным. Но при просодической трактовке длительности возникает весьма затруднительная необходимость расположить квантитативную вершину слога, или пик длительности, в последовательности, не содержащей ни одного долготного звука. Обнаружить у поствокального согласного [s] в словах *kast*, *kasta* фонетическую долготу не удалось. Признавая это, один из сторонников просодической трактовки вместе с тем заявляет, что "фонологический анализ исландских слов *kasta* и *last* заставляет признать наличие в них количественного пика и именно на /s/" (Либерман, 1971а, с.32). Но приписывать поствокальному согласному фонетически не наблюдаемую долготу заставляет отнюдь не всякий фонологический анализ, а лишь анализ с просодических позиций (Benediktsson, 1963, p.136). Это порождает серьезные сомнения в прочности исходных позиций такого анализа.

Приходится заключить, что предпринятые до сих пор попытки как фонематической, так и просодической трактовки длительности исландских гласных и согласных не увенчались успехом.

2. В случаях затянувшейся неразрешенности каких-либо фонологических проблем весьма полезно вернуться к самим условиям задачи - к исходным положениям, которые принимаются за бесспорные истины и на которых должно, очевидно, покоиться любое решение проблемы. Не кроется ли источник трудностей в формулировке исходных данных?

Прежде чем поднимать вопрос о природе фонологического различия между словами наподобие *vina*, с одной стороны, и *vinna* - с другой, следовало бы, очевидно, определить их деление на фонемы: "парадигматическому анализу должно предшествовать синтагматическое, линейное членение" (Гордина, 1966, с.176). Проще говоря,

сначала нужно решить, сколько перед нами фонем, а уж потом определять их качественную характеристику.

Авторы изложенных трактовок считают само собой разумеющимся, что в обоих словах по четыре фонемы, из которых существенны для обсуждаемой проблемы две – ударная гласная и следующая за ней согласная; задача сводится к отнесению длительности к одной из них либо в виде принадлежащего ей фонематического признака, либо в виде располагающейся на ней квантитативной вершины слога. Нет сомнения, что слово *vína* состоит из четырех фонем, в том числе одной поствокальной /n/. Но есть ли уверенность, что в слове *vína* двумя буквами *nn* также изображена одна согласная фонема?

Мнение о том, что удвоение согласной буквы означает в исландской графике один долгий согласный, сложилось давно, когда вопрос о фонемном составе этого согласного еще не мог быть поставлен. В фонологической литературе вопрос о монофонемности или бифонемности исландских согласных, обозначаемых удвоенными буквами, впервые рассматривался только в 1963 году, когда Х. Бенедиктссон выступил с обоснованием преимуществ их трактовки как последовательностей из двух одинаковых фонем (Benediktsson, p.143). Но его аргументация была весьма уязвима, так как опиралась только на демонстрацию простоты и удобства описания фонологической и морфологической систем исландского языка при бифонемной трактовке "долгих" согласных. Этим объясняется отрицательная оценка позиции Х.Бенедиктссона в нашей фонологической литературе (Стеблин-Каменский, 1966, с.57,66; Либерман, 1971а, с.20). Однако критика аргументации, основанной на непрочном фундаменте субъективных соображений о простоте и удобстве лингвистического описания, не должна мешать серьезной, обстоятельной проверке возможности бифонемной трактовки исландских "долгих" согласных.

3. Установление моно- или бифонемности относится к числу труднейших фонологических задач даже для звуковых последовательностей с изменяющейся артикуляцией – дифтонгов и аффрикат. Тем более трудна она для геминат, которые могут быть как долгими согласными фонемами, так и сочетаниями из двух одинаковых согласных фонем (Трубецкой, 1960, с. 62-63; Зиндер, 1960, с.126-130; Булигина, 1971, с.85).

Современная фонологическая теория и практика отказалась от использования многих диагностических рекомендаций Н.С. Трубецкого для подобных задач. Не имеют доказательной силы чисто фонетические факты – физическая длительность геминат, прохождение внут-

ри них слогораздела. Несостоятельны ссылки на авторитет фонетистов — носителей данного языка (Martinet, 1937, p. 172; Гордина, с.173-177). Все более утверждается тезис о решающей роли морфологической аргументации, использующей морфемные границы для определения границ между фонемами (Зиндер, с.126-128; Гордина, с.177-178, Либман, 1971б, с.143-144).

Исландские геминаты пересекаются морфемными границами довольно часто — ср. формы им. и вин. падежа *steinn* — *stein* (камень), и род. падежа *faa* — *faa* (поведение), муж. и жен. рода *heill* *heil* (целый), ед. и мн. числа *glatt* — *glað* (радостное), полож. сравн. степени *stór* — *stærri* (большой), наст. и прош. времени *veidi* — *veiddi* (охотиться), *maeti* — *maetti* (встречать). Таким образом, геминаты во многих случаях разложимы морфологически и, следовательно, бифонемны.

Конечно, в исландском языке достаточно много слов и их форм, в которых геминаты морфологически неразложимы. В таких условиях возможны два решения вопроса о фонемном статусе исландских геминат: либо все они бифонемны, либо некоторые из них бифонемны, другие монофонемны. Ограничиваясь синхронными данными современного исландского языка, мы, очевидно, не найдем строгих доказательств истинности или ложности одного из решений. Но строгие доказательства в лингвистических исследованиях возможны редко; гораздо чаще приходится довольствоваться убедительными свидетельствами, которые в отличие от доказательств опираются на лингвистический опыт.

Первое решение — бифонемность всех исландских геминат — несомненно, более убедительно, чем второе, так как единообразная трактовка всех геминат предпочтительна, если она не противоречит каким-либо лингвистическим данным. Никаких фонетических различий в реализации морфологически членяемых и нечленяемых геминат нет. Таким образом, нет препятствий для принятия тезиса о единообразной бифонемной трактовке всех исландских геминат.

4. Весомые доводы в пользу одного из двух возможных решений может дать диахроническое рассмотрение исландских геминат. "Как только мы переходим от фонологического описания языковых состояний к функционально-структурной интерпретации звуковых изменений, проблема геминат, не изменяясь по существу, приобретает смысл и остроту, которых она не могла иметь в строго статической синхронии: речь идет уже не о том, какой звук присоединить той или иной единице, но о действительной роли геминат в том комплексе языковых единиц, признаков и реакций, который составляет внутреннюю фонетическую эволюцию языка" (Martinet, 1959, p. 103). А. Дарк

выразил убеждение в том, что диахронический анализ подтвердит его тезис о бифонемности исландских "долгих" согласных, хотя, к сожалению, счел такое подтверждение излишним (Benediktsson, pp. 143-144).

История исландских геминат — естественное продолжение истории общегерманских геминат. Не углубляясь в вопрос о происхождении последних (Макаев, 1962, с. 49-54; Макаев, 1970, с. 118-128), отметим только, что особенно интенсивно развивались они на морфемном стыке корня с суффиксом, где происходила ассимиляция двух гетероморфемных согласных. Таким образом, германские геминаты в большинстве случаев (если не всегда) зарождались как отчетливо бифонемные последовательности. Признав этот факт, следует рассмотреть дальнейшую эволюцию древнескандинавских, затем исландских геминат в поисках свидетельств их монофонемизации, если таковая имела место.

А. Мартине (Martinet, 1959, p. 223) указывает на два противоположных направления в эволюции геминат — редукцию до простых, кратких согласных либо фонетическое расщепление на два различных согласных. Первое предполагает монофонемизацию геминат, второе — укрепление их бифонемности.

Взаимоотношения геминат с простыми согласными не ограничиваются переходом первых во вторые: существование в языке монофонемных геминат, противопоставленных по длительности простым, кратким согласным фонемам, может проявляться как в случаях упрощения геминат, так и в геминации простых согласных. Так, в западных германских языках свидетельством монофонемизации геминат явилась геминация простых согласных перед сонантами, особенно регулярная перед /j/, прошедшая до 5 в. н. э. Монофонемность древнеанглийских геминат демонстрируется их синтагматическим отличием от бифонемных сочетаний согласных: гласные могли быть долгими перед сочетаниями согласных, например, в *brēōst* — грудь, *ēals* — каменный, даже перед двумя одинаковыми согласными (прош. время *mētan* — встречать — *mētte* с двумя /t/ на морфемном стыке) (Смирницкий, 1955, с. 92), но не перед долгими согласными (Плоткин, 1967, с. 56-57). Впоследствии монофонемные геминаты упростились во всех западных германских языках.

В древнескандинавском языке, как и в общегерманском, основным источником геминат продолжала оставаться довольно интенсивная ассимиляция в сочетаниях согласных — таково происхождение геминат в многочисленных исландских словах наподобие *karpi* — геронд (ср. этимологический дублет *kemra*), *batt* — связывал при ин-

финитиве binda, drekka- пить (ср. англ. drink), rödd - голос (ср. гот. razda), rann - обитель (ср. гот. razn), heill - целый (ср. гот. hails), steinn- камень (ср. гот. stains), fimf - пять (ср. гот. fimf), munnur - рот (ср. гот. munþe), gull - золото (ср. гот. gulþ), nótt- ночь (ср. гот. nahts), hlýddi - слушал при инфинитиве hlýða, gott - хорошее при форме муж. рода góður (Стеблин-Каменский, 1953, с.101; Стеблин-Каменский, 1955, с.41-48). Геминация простых согласных отмечена лишь для заднеязычных смичных / k g / в позиции между кратким гласным и полугласными / j w /; она сохранилась, например, в современном исландском liggja - лежать, slökkva - гасить.

Древнескандинавские геминаты имели, несомненно, двойственную природу. С одной стороны, во многих случаях их бифонемный характер поддерживался морфемной членимостью (как в heill, steinn, hlýdda, gott) или внутриморфемным чередованием (как в batt - binda). С другой стороны, ассимиляция в геминатах, несомненно, благоприятствовала их монофонемизации. В дальнейшей эволюции скандинавских языков это противоречие было разрешено двумя противоположными способами.

В восточнскандинавском ареале, включающем датский и шведский языки вместе с восточнорвежскими говорами, в XIII-XV веках прошла монофонемизация геминат. Об этом свидетельствует процесс установления "слогового равновесия", сопровождавшийся многочисленными случаями упрощения геминат и геминации простых согласных (Стеблин-Каменский, 1953, с.127-128, 152). Так, например, в датском и норвежском komme, шведском komma- приходиться имела место геминация простого согласного (ср. исл. koma), а в датском, норвежском, шведском fem-пять гемината упростилась (ср. исл. fimf). Подобные переходы вряд ли могли быть многочисленными при бифонемности геминат - фонемный состав значительного числа слов не может легко подвергаться таким колебаниям. Другое дело - монофонемы, в данном случае геминаты и простые согласные: синтагматические перераспределения фонем-могут охватывать обширные участки словаря (Stebliin-Kamenskij, 1960a, pp.195-197).

Исландский язык в отличие от восточнскандинавских не знает ни упрощения геминат, ни геминации простых согласных в сколько-нибудь значительных масштабах. Показательно, что ни одно из генеральных диалектных различий в исландском языке (Стеблин-Каменский, 1966, с.79-81) не затрагивает распределения геминат и простых согласных, тогда как в шведских и норвежских говорах подобные колебания широко представлены (Стеблин-Каменский, 1953,

с.152,157). Регулярному упрощению в исландском языке подверглись только гетероморфемные и потому отчетливо бифонемные геминаты /rr nn ss/ в формах им. падежа ед. числа муж. рода (например stórr > stor - большой, íss > ís - лед) и I-го лица ед. числа наст. времени (например, skinn > skín - блестящий). Здесь следует говорить, однако, не о чисто фонетическом изменении - упрощении геминат, но об изменении морфологическом - утрате определенных флексий в определенном фонетическом контексте.

Упрощаются геминаты в позиции перед согласными. Так, в snemmt - рано, grennd - соседство, hyggni - разум фонетической геминации нет. Но подобное упрощение вообще характерно для исландских сочетаний из трех согласных - ср.: fyrnd - прошлое, bólgna - пухнуть, где один из трех сочетающихся согласных не звучит. Следовательно, сочетания геминат с последующим согласным ведут себя, как сочетания из трех согласных, что свидетельствует о бифонемности геминат.

Образование новых бифонемных геминат из гетероморфемных сочетаний двух согласных продолжается в современном исландском. Ср. варианты формы: friðka ~ frikka - хорошесть при friður - красивый, greiðka ~ greikka - ускорять при greiður - быстрый.

Таким образом, мы не находим в истории исландского языка и в его современном состоянии свидетельства монофонемизации древнескандинавских геминат. Напротив, немало фактов говорят о сохранении ими бифонемности.

5. Начиная с XIV века отчетливо обозначились диссимилятивные фонетические процессы в исландских геминатах. Геминированные сонанты с переднеязычной смычкой подверглись регрессивной диссимиляции по признаку сонорности [ll > dl nn > dn] в словах наподобие kalla - звать, steinn - камень. Это явление наблюдается и в западнонорвежских говорах, где геминаты, как и в исландском, не стали монофонемами (ср. Стеблин-Каменский, 1966, с.121-122). Примечательно, что первые компоненты геминат /ll nn/ ведут себя при этом так же, как и сонант /r/ в сочетаниях с /ln/, который тоже переходит в [d] в словах наподобие karl - мужчина, björn - медведь. Одинаковое фонетическое поведение сонантов /r l n/ перед последующими /l n/ - свидетельство в пользу бифонемной трактовки геминированных сонантов /ll nn/.

Наиболее ярко проявилась регрессивная диссимиляция в сильных сонантных геминатах /pp tt kk/. Как известно, здесь развивается так называемая преаспирация согласных, столь характерная для исландского языка: постгласные согласные в словах upp - вверх

nótt - ночь, bekkur - скамья транскрибируются фонетически [hp: h_t, h_k:] (Берков, 1962). Отмечаются следующие особенности фонетической реализации самой преаспирации и преаспирированных согласных:

а) границы употребления преаспирации очерчены не строго, ее "сравнительно сложно заметить", во многих случаях она факультативна (Либерман, 1971а, с.43);

б) преаспирация акустически и артикуляционно приближается к спиранту, для которого нерелевантно место образования - наряду с фарингальной реализацией распространена артикуляция, гоморганная с преаспирированным смычным (Либерман, 1971а, с.41 и 48);

в) "длительность преаспирированного согласного не вполне очевидна" (Либерман, 1971а, с.43);

г) по своей длительности преаспирация приблизительно равна другим спирантам (Колкин, 1961, с.136).

Все предлагавшиеся до сих пор фонологические трактовки исландской преаспирации исходят из монофонеминости геминат. Попытаемся проанализировать преаспирацию, исходя из предпосылки с бифонеминости исландских геминат.

Если геминаты в словах наподобие upp, nótt, bekkur бифонемны, они представляют собой сочетания из двух смычных согласных. Известно, что в современном исландском языке такие сочетания регулярно подвергаются регрессивной диссимиляции - спирантизации первого компонента ([p > f] в ekipta - делить, dúrka - утлублять, [k > x] в hrikta - скрипеть). Диссимиляция может быть объяснена следующим образом. Модальные характеристики согласных представляют собой сочетание двух конституентов: высокого или низкого уровня шума, наличия или отсутствия тона (сонорности). Глухие сильные согласные - это шумные несонорные; им противостоят в одних языках (например, в русском) звонкие согласные - шумные сонорные, в других (в частности, в исландском) согласные слабые, сочетающие низкий уровень шума с отсутствием тона - нешумные несонорные (Плоткин, 1970, с.25-26). Поскольку и сильные, и слабые - несонорные, важнейшее фонетическое различие между ними заключается в заметно более высоком уровне шума у первых. Реализация этого различия, однако, наталкивается на трудности в сочетаниях сильных смычных /pt pk kt/. Ведь смычка обеспечивает высокий уровень шума только при эксплозии, поэтому длительная бесшумная выдержка противоречила бы фонологической характеристике сильных смычных.

Естественный выход — замена смычной артикуляции первого согласного спирантной, не связанной с прекращением шумообразования, и ограничение выдержки нормальной длительностью второго согласного.

Аналогичной диссимиляции должны, очевидно, подвергаться и первые согласные в бифонемных геминатах /pp tt kk/. Действительно, мы находим здесь спирант — продукт диссимиляции по способу образования преграды; диссимиляция часто распространяется и на локальные характеристики согласных, и тогда звучит ферингальный спирант [h], не гоморгантный ни одному смычному согласному.

Предлагаемое решение не противоречит ни одному из известных фонетических свойств исландской преаспирации. В частности, естественное объяснение получает длительность как самой преаспирации, так и преаспирированного согласного, равная в обоих случаях нормальной длительности одного согласного. Что касается факультативной преаспирации сильных смычных /p t k/ перед смычными сонантами /l n/ в словах *nanndobie* *erpli* — яблоко, *ketla* — крапива, *vakna* — пробуждаться, то ее следует, очевидно, рассматривать как дополнительный шумообразующий момент у сильных смычных, лишенных в этом контексте шумной эксплозии.

Все описанные выше случаи регрессивной диссимиляции — как в сонантных геминатах /ll nn/, так и у геминированных сильных смычных /pp tt kk/ — являются реализациями процесса, идущего на аллофоническом уровне; отсюда широкая вариантность фонетических результатов диссимиляции (в частности, гемината /nn/ диссимилируется не после всех гласных), затрудненность их обнаружения и объективного описания. На фонематическом уровне первые компоненты геминат — соответственно фонемы /l n p t k/; десоноризация /l n/, спирантизация /p t k/ могут быть отражены лишь в фонетических транскрипциях. Это, кстати, позволяет нам вновь утверждать фонематический характер удвоения согласных букв в современной исландской графике (Naugen, 1958; Benediktsson, p.143).

Таким образом, отчетливой диссимиляцией охвачены пять из 12 исландских геминат. Она не затронула сонанты /mm rr/, а также спиранты /vv ff/ и слабые смычные /bb dd gg/. Слабые смычные в исландском языке фонологически немумные и несонорные. Следовательно, длительная выдержка без шума и тона между импловией первого согласного и эксплозией второго хорошо согласуется с фонологической природой слабых смычных геминат; напротив, такая преаспирация противоречила бы ей.

Подведем итог. Фонематическая трактовка исландских геминат не

находит подтверждения ни в синхронном состоянии современного исландского языка, ни в его диахроническом описании. Германские, затем древнескандинавские бифонемные геминаты в истории исландского языка (в отличие от восточных скандинавских) не были монофонемизованы; они сохранили свой бифонемный характер и даже усилили его в процессе регрессивной диссимиляции своих компонентов, проявлением которой, в частности, служит преаспирация.

Из сказанного вытекает весьма простое решение проблемы фонологического статуса длительности в исландском языке.

Долгих согласных в исландском нет — есть лишь сочетания из двух одинаковых фонем. Они ведут себя как прочие бифонемные сочетания и тем самым, разумеется, резко отличаются от одиночных согласных фонем в тех же позициях. Иначе говоря, в парах *stokkur* (бревно) — *storkur* (аист), *skatt* (налог) (вин.падеж) — *skart* (рукоятка), *gökkur* (сумерки) — *göskur* (бодрый), *raav* (зац) — *raak* (беспорядок) слова фонологически однотипны: за ударной гласной фонемой в них следует сочетание из двух согласных фонем. Иное фонемное строение у слов с одной поствокальной согласной фонемой (например, *hokur* — бедность, *fat* — бочка, *öa* — суглоба).

Гласные фонемы реализуются краткими аллофонами перед определенными сочетаниями согласных фонем — как различных, так и одинаковых; в прочих позициях они представлены долгими аллофонами. Следовательно, фонологически нерелевантна в длительность гласного, определяемая числом идущих за ним согласных фонем.

Вся проблема длительности в исландской фонологии подлежит, таким образом, снятию с обсуждения ввиду полного отсутствия фонологически релевантной длительности в современном исландском языке¹. Единственное существенное различие между словами наподобие *vína* и *vinna*, которое в каком-то смысле можно было бы назвать количественным, — это различное число согласных фонем в интервокальной позиции. Все остальные, чисто фонетические различия автоматически вытекают из него.

6. Изложенное не означает, что исландский язык никогда не знал фонологической длительности. В древнеисландском фонологичес-

¹ К выводу об отсутствии фонологически релевантной долготы в исландском языке ранее пришел Х.Бенедиктссон, который в соответствии со своей концепцией отнес долготу к субфонемному уровню фонетической реализации (Benediktsson, p.143). Нет оснований поэтому заявлять, что Х.Бенедиктссон якобы "предлагает... фонетическую трактовку длительности в современном исландском", "представляет релевантную долготу согласным" (Линдман, 1971а, с.10).

кая длительность функционировала у гласных. Но в XV–XVI веках фонематический признак вокалической длительности был заменен другим, качественным признаком. Как убедительно показал М.И. Стеблин-Каменский, новый признак основан на различении двух направлений дифтонгоидного скольжения по раствору. Долгие гласные (в традиционной исландской терминологии *breiðir* – широкие) приобрели дифтонгоидное сужение; краткие гласные (в традиционной терминологии *grannir* – тонкие) превратились в расширяющиеся дифтонгоиды (Стеблин-Каменский, 1960b, pp. 42–45; Стеблин-Каменский, 1966, с. 58–60, 67, 77).

То, что нейтрализация этой фонематической оппозиции всегда идет в пользу сужающихся гласных (*ibid.*, p. 41; там же, с. 57–58), что последних насчитывается семь против шести расширяющихся гласных, дает основание полагать, что в исландской оппозиции по направлению дифтонгоидного скольжения маркированы расширяющиеся гласные фонемы – прежние краткие. Поскольку в фонематической оппозиции длительности были, несомненно, маркированы долгие гласные, можно предположить, что в истории исландского вокализма изменилась не только фонетическая основа фонематической оппозиции – направление маркировки также сменилось диаметрально противоположным.

Весьма сходная перестройка произошла в английском вокализме в XI–XII веках, когда оппозиция длительности была заменена иной оппозицией с противоположной ориентацией маркировки (Плоткин, 1967, с. 79–84). Установившаяся в английском вокализме оппозиция абруптивности, маркированными членами которой стали прежние краткие гласные, также использовала направление дифтонгоидного скольжения по раствору в качестве компонента соответствующего фонематического признака (там же, с. 96, 99–102). Эволюция прежних долгих гласных фонем в этих условиях привела к значительному усилению дифтонгоидного сужения в их артикуляции – в ходе английского сдвига гласных, хронологически совпавшего с дифтонгизацией исландских долгих гласных в XV–XVI веках, имели место изменения /i: > ai ai: > au ai: > ei o: > ou/, представленные в современном английском произношении слов наподобие *time* – время, *cow* – корова, *make* – делать, *more* – надежда. На сходство исландской дифтонгизации с английским сдвигом гласных впервые указал М.И. Стеблин-Каменский (Стеблин-Каменский, 1960b, p. 44). Сходство это, как видно, касается не только фонетического – изменение было обусловлено сходными процессами на фоне фонематических оппозиций.

Можно предполагать, что ликвидация фонологической длительности в исландском вокализме была тесно связана с выбором одного из двух возможных путей в эволюции геминат. Поскольку длительность гласного трудно реализуется перед скоплениями согласных, сохранение и упрочение геминат как бифонемных образований означало консервацию неблагоприятных для длительности фонетических условий в огромном количестве исландских слов. В подобной ситуации вполне естественна замена вокалической длительности другой фонематической оппозицией. С устранением фонологической длительности из исландского вокализма фонетическая длительность гласных получила возможность варьировать аллофонически в зависимости от числа последующих согласных фонем.

Эволюционное направление с сохранением бифонемности геминат в исландском языке определилось, надо полагать, в XIII-XV веках, тогда же, когда в континентальных скандинавских языках (кроме западнонорвежских говоров) была осуществлена монофонемизация геминат. Ликвидация фонологической длительности в вокализме хронологически примыкает к этому моменту. Именно тогда сложились такие специфические черты современного исландского языка, как варьирование длительности гласных в зависимости от числа последующих согласных фонем, преаспирация поствокальных сильных окончаний, ассимиляция геминированных сонантов.

ЛИТЕРАТУРА

Б е р к о в В. П. (при участии А. Бёдварссона). Исландско-русский словарь. М., 1962.

Б у л ы г и н а Т. В. О русских долгих шипящих. — В сб.: Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

Г о р д и н а М. В. О различных функциональных звуковых единицах языка. — В сб.: Исследования по фонологии. М., 1966.

З и н д е р Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960.

К о ш к и н В. В. Исландская преаспирация как средство удлинения слога. — "Вестник Ленингр. ун-та", 1961, № 20.

Л и б е р м а н А. С. Исландская просодика (К фонологической характеристике современного исландского языка и его истории). Л., 1971а.

Л и б е р м а н А. С. Фонема или различительный признак? В сб.: Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971б.

Макаев Э. А. Система согласных фонем в германских языках. - В кн.: Сравнительная грамматика германских языков, т. II, тл. I. М., 1962.

Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.

Плоткин В. Я. Динамика английской фонологической системы. Новосибирск, 1967.

Плоткин В. Я. Система звуковых дестинкторов в современном английском языке. - "Вопросы германской и романской филологии. Науч. труды Новосиб. пед. ин-та", 1970, вып. 57.

Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М., 1955.

Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.-Л., 1953.

Стеблин-Каменский М. И. Древнесландский язык. М., 1955.

Стеблин-Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Venediktson H. The Non-Uniqueness of Phonemic Solutions: Quantity and Stress in Icelandic. "Phonetica", 10, 1961.

Haugen E. The Phonemics of Modern Icelandic. "Language", 34, 1, 1958.

Malone K. The Phonemes of Modern Icelandic. In his "Studies in Heroic Legend and in Current Speech". Copenhagen, 1959.

Martinet A. La phonologie du mot en danois. "Bulletin de la Société de Linguistique de Paris", 38, 1 - 2, 1937.

Martinet A. Du rôle de la gemination dans l'évolution phonologique. "Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft", 12, 1959.

Martinet A. Indétermination phonologique et diachronie. "Phonetica", 12, 1965.

Stebliin-Kamenskij M. I. Three Types of Sound Change. "Philologica Pragensia", III, 4, 1960 a.

Stebliin-Kamenskij M. I. The Vowel System of Modern Icelandic. "Studia Linguistica", 14, 1, 1960 b.

СОДЕРЖАНИЕ

- В. Я. П л о т к и н. Перестройка системы личных местоимений в истории английского языка
- Е. Д. П е д ч е н к о. Особенности американского варианта английского языка в произведениях Э.Хемингуэя
- Г. М. Б у р д е н ю к. Степень зависимости употребления предлогов английского языка от коммуникативной интенции говорящего
- Е. Д. П е д а ш. О некоторых лексико-стилистических особенностях романа Р.Олдингтона "Смерть героя"
- В. К. П л е ш к о. К вопросу о выражении модальности в английском и молдавском языках
- С. С. П е т р о в. Сложноподчиненное предложение о косвенным вопросом в современном английском языке. .
- С. С. П е т р о в. Косвенно-вопросительные придаточные в современном английском языке
- В. Я. П л о т к и н. О фонологической природе длительности звуков в исландском языке

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Утверждено к изданию Ученым советом
Кишиневского ордена Трудового Красного
Знамени государственного университета
им. В.И.Ленина

Редактор С.А.Виноградская
Художественный редактор В.А.Чупин
Технический редактор А.Г.Киселица
Корректоры А.В.Сушкевич, А.Г.Штейнгауз
Операторы-наборщики Н.В.Зимнова, Т.В.Самцова

Издательство "Штиинца",
277028, Кишинев, ул.Академическая, 3

Подписано в печать 4. II. 1975. АБ 06338. Формат 60 x 90 1/16.
Усл.-печ. л. 6,75. Уч.-изд.л. 6,6. Тираж 1250. Цена 28 коп.
Заказ 875

Типография издательства "Штиинца",
277004, Кишинев, ул.Герзарина, 10.